Мих. ПАВЛОВИЧ
(ВЕЛЬТМАН)

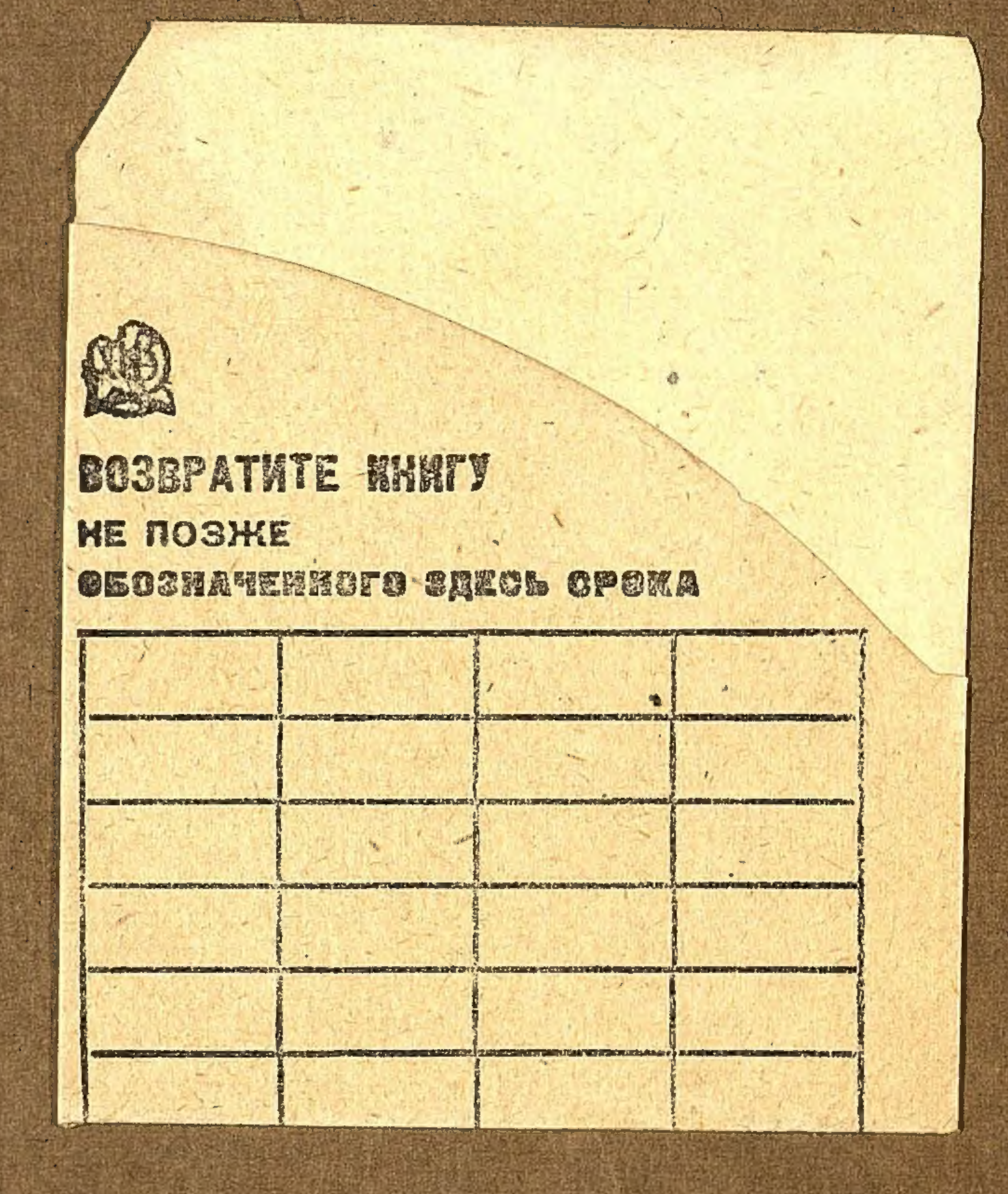
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕРЖАВЫ

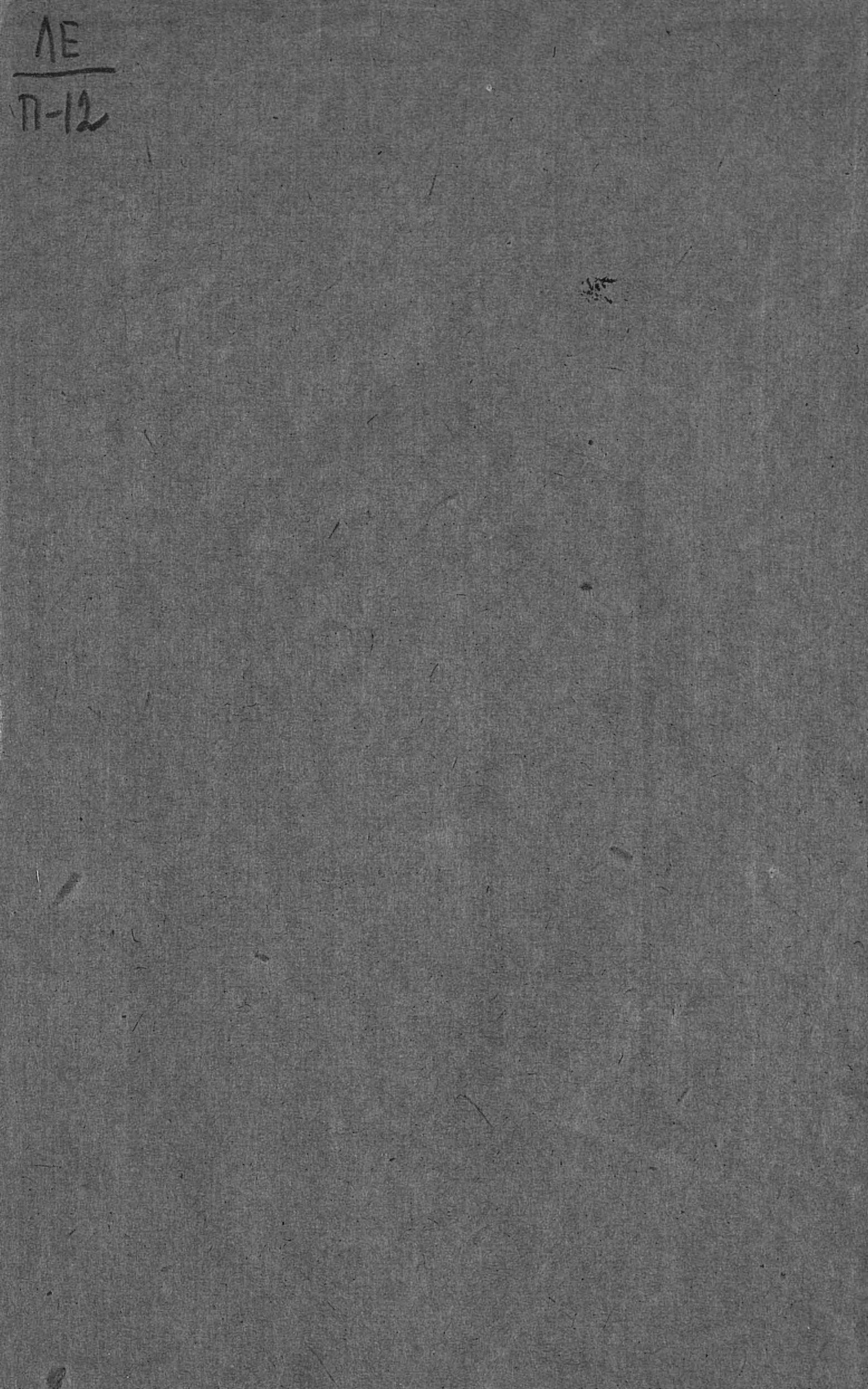
ВЫПУСК 1

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ФРАНЦИЯ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А Б

ЛЕ
П-12

С. С. С. Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МИХ. ПАВЛОВИЧ (ВЕЛЬТМАН)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕРЖАВЫ

ВЫПУСК I

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ФРАНЦИЯ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА 1924

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В основу данной книги (переработанный курс лекций, читанных в военной академии Р.-К. К. А.), обнимающей отношения советской России к большой Антанте (Франция, Англия Япония, Америка), легли работы автора, вышедшие в 1921—1922 г. и уже разошедшиеся. Автор значительно переработал эти выпуски и дополнил их новыми главами, доведя, таким образом, анализ событий до текущего момента. Первый выпуск посвящается взаимоотношениям России с Францией, второй—с Англией, третий—с Америкой, четвертый—с Японией. Пятый выпуск будет посвящен новой теме, которой автор не касался в предшествующих выпусках, именно—взаимоотношениям России и Германии.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ № 910.
ПЕТРООБЛИТ № 11573
ЗАКАЗ № 848.
ТИРАЖ 10.000
Воен. Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площ. Урицкого, 10).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В основу данной книги (переработанный курс лекций, читанных в военной академии Р.-К. К. А.), обнимающей отношения советской России к большой Антанте (Франция, Англия Япония, Америка), легли работы автора, вышедшие в 1921—1922 г. и уже разошедшиеся. Автор значительно переработал эти выпуски и дополнил их новыми главами, доведя, таким образом, анализ событий до текущего момента. Первый выпуск посвящается взаимоотношениям России с Францией, второй—с Англией, третий—с Америкой, четвертый—с Японией. Пятый выпуск будет посвящен новой теме, которой автор не касался в предшествующих выпусках, именно—взаимоотношениям России и Германии.

Франция и Россия до октябрьской революции.

§ I. Русско-французские отношения до заключения военного союза между обоими державами: русско-французская распря. Чрезвычайное усиление Германии и начало русско-французской дружбы.

Согласно характеристике некоторых французских историков, франко-русский союз представлял собой ярко выраженный тип брака по рассудку. Континентальная держава, открытая вследствие неблагоприятных географических условий, вдоль своей восточной границы—Франция, вечно враждовавшая с государствами центральной Европы и с Англией, издавна искала себе союзников на Востоке: вначале в лице Турции, затем Швеции, потом Польши, наконец, России. Но чтобы притти к заключению оборонительно-наступательного союза, Франция и Россия должны были пройти длинный, изрытый многочисленными ухабами и рытвинами, путь.

Из всех правительств и режимов, которые сменялись во Франции в течение минувшего столетия, реакционное правительство Карла X, просуществовавшее от 1826 г. до июльской революции, было первым, которое поняло все значение для правящих классов Франции, для удачного ведения империалистической политики дружбы с такой могучей военной и реакционной державой, какой была Россия того времени. Именно благодаря поддержке Николая I, Франция, несмотря на угрозы и противодействие Англии, предприняла экспедицию в Алжир (июнь 1830 г.), что было *поворотным пунктом в истории французской колониальной политики.*

Последующие события во Франции (июльская революция, царствование Луи-Филиппа, короля-мещанина, правительство которого вмешивалось в польские дела, далее февральские события, знаменитые июньские дни, когда по улицам Парижа шел трехдневный бой между восставшим пролетариатом и

армией Кавеньяка)[1]), конечно, не могли содействовать франко-русскому сближению. Для Николая I Франция стала очагом революции, мятежнической страной, которую нужно было бы стереть с лица земли, если бы это только было возможно. Затем настает эпоха Наполеона III, и снова в Европе слышен шелест французских знамен и неумолкающее бряцание французского оружия. Россия и Франция подымаются друг против друга, как два сильнейших в мире военных государства, борющихся за гегемонию в Европе. Этот конфликт заканчивается Севастопольской войной (Крымской кампанией) и падением русской твердыни—Севастополя на Черном море.

Севастопольская война 1854—1856 гг., в которой Франции, как противнику России, пришлось в военном отношении играть первенствующую роль, обнаружила, что интересы царской России и Франции Наполеона III не столь непримиримы, как интересы России и Англии того времени. Интересы России и Франции сталкивались только на Ближнем Востоке. После падения Севастополя и отказа России от ее захватных планов относительно Турции, французская дипломатия снова стала видеть в России возможного союзника против Англии и Австрии. Франция не была заинтересована в том, чтобы окончательно ослабить Россию. На Парижском конгрессе 1856 г. Наполеон III энергично поддерживал Россию против неумеренных требований Англии и Австрии. В октябре 1856 г. английский посол в Париже жаловался французскому министру иностранных дел Валевскому, что во всех спорах, мелких или крупных, которые возникают по поводу применения Парижского трактата, правительство императора Наполеона III всегда оказывается на стороне России (М. Н. Покровский. „Внешняя политика". Сборник статей, стр. 36).

Крымская война должна была послужить прологом к франко-русскому союзу, однако со времени Крымской войны прошло более 30 лет, прежде чем этот союз был фактически заключен. Более того, во франко-прусскую войну 1871 г. Россия оказала значительную услугу Пруссии и нанесла сильный

---

[1]) В очень интересной статье „Ламартин, Кавеньяк и Николай I", основанной на архивном материале—донесениях агента русского правительства Якова Толстого III отделению и переписке российского поверенного в делах Киселева с петербургским правительством—п. М. Н. Покровский рассказывает о переговорах России и Францией в эпоху Ламартина—Кавеньяка. Николай I поздравлял генерала Кавеньяка с победой над „анархической партией" и „коммунизмом" и не прочь был заручиться в лице Франции Кавеньяка союзником против Пруссии, затеявшей ссору с Данией из за герцогства Шлезвигского. Однако несмотря на желание Кавеньяка установить „официальные и дружественные отношения между двумя правительствами", т.-е. Россией и Францией, переговоры эти были скоро прерваны (см. сборник статей: *К 75-летию революции 48 года*. Изд. „Красная Новь" Москва, 1923, стр. 65—86).

удар Франции, помешав Австрии вмешаться в войну в пользу Франции. Русское правительство дало понять австрийскому, что если последнее нарушит нейтралитет, этот факт послужит casus belli (причиной войны) со стороны России против Австрии.

В 1911 г. бывший премьер-министр Наполеона III Эмиль Оливье опубликовал совершенно новые документы относительно решающей роли, которую играла Россия в окончательном разгроме Франции. 18 июля 1880 г. русский представитель в Париже писал Граммону: „Если Австрия начнет какие-либо приготовления, чтобы помочь французам, Россия с своей стороны приступит к действиям. В Петербурге будут делать то, что будут делать в Вене. *Если Австрия примет участие в войне, как союзница Франции, против Пруссии, Россия начнет кампанию,* как союзница Пруссии, против Австрии („Revue des deux Mondes“ 1 и 15 января 1911 г. „Война 1871 г. и наши дипломатические поражения“). Россия получила благодарность от германского императора Вильгельма, который писал на другой день после Седанского разгрома армии Наполеона III Александру II, что Пруссия никогда не забудет (jamais la Prusse n'oubliera), „чем она обязана России“. В то время как официальная Россия и прусские юнкера обменивались приветствиями по поводу блестящего успеха немецкого оружия, „Интернационал“ голосом Маркса протестовал в жгучем манифесте против „расчленения Французской республики и отторжения французской территории“, а Либкнехт и Бебель готовились итти в крепость на полтора года за их горячий протест против аннексии Эльзаса и Лотарингии „новой боруссо-прусской империей“, как презрительно называл ее Маркс.

Никто в России не подозревал тогда военной мощи Пруссии. Русская дипломатия и русская военщина были уверены, что Пруссии не удастся так легко справиться с Францией, как она справилась с Австрией в 1866 г., когда Австрия в течение каких-нибудь шести недель оказалась разбитой наголову и вынуждена была подписать все условия победителя. Правда, война с Францией затянулась, но в результате этой кровавой и длительной бойни Германия аннексировала две богатейшие французские провинции и „наложила на побежденную страну“ контрибуцию в 5 миллиардов франков золотом. Самым неприятным ударом для России явилось объединение Германской империи, создание на границах России могучей военной державы. Надежды на то, что в результате франко-германской войны оба противника выйдут чрезвычайно истощенными, не оправдались. Вообще царская дипломатия и наша военная агентура за границей проглядели силу Прус-

сии и обнаружили поразительную недальновидность. Даже гром прусских побед над Австрией, поразительно быстрая мобилизация военных сил Пруссии, разгром австрийской армии при Садовой (Кениггреце) и небывалое до сих пор в военной истории завершение кампании с таким сильным государством, как Австро-Венгрия, буквально в несколько дней,—ибо фактически Австрия была выведена из строя в течение недели,—не могли открыть глаза вершителям русской иностранной политики. Проходит несколько лет, и в Европе снова разражается гроза военной непогоды. В начале августа 1870 г. немецкие войска переходят французскую границу, а через месяц после начала войны французская *регулярная* армия уже не существует, сотни тысяч солдат, десятки генералов и сам император Наполеон III находятся в плену у пруссаков. Уже во Франции никто не помнит победного, раздававшегося всего месяц назад клича „на Берлин!", и прусские войска форсированным маршем идут на Париж.

Версальский мир и чрезмерное усиление Германии отрезвили многих представителей русской дипломатии и наших военных кругов. С этого момента царское правительство, несмотря на самые тесные связи с династией Гогенцоллернов, начинает обнаруживать беспокойство перед необычайной военной мощью Германии и стремится не допустить нарушения равновесия на европейском континенте в пользу Германии. И когда немецкое правительство в 1875 г. готовилось снова начать войну с Францией, чтобы по плану Бисмарка окончательно добить возрождающуюся в экономическом и военном отношении республику, император Александр II вместе с министром иностранных дел прибыл в Берлин и раз'яснил своему царственному брату, германскому императору и прусскому королю, невозможность для России сохранить, как это было в войну 1870 г. дружественный нейтралитет, в случае новой войны, между обеими западными державами. Это вмешательство России в пользу Франции имело громадное влияние на дальнейшее развитие русско-германских отношений. Однако все же наша дипломатия и правящие круги считают невозможным заключение официального союза между царской Россией и республиканской Францией. Но империалистические планы России и Франции фатально толкают обе державы к тесному союзу против все усиливающейся Германии. Постепенно оправдывается предсказание К. Маркса, предвидевшего, что отторжение Эльзас-Лотарингии бросит Францию в объятия царской России. Могучая Германия, Германия крови и железа, вышедшая в ореоле величия и славы из войны с Францией, обязана во многом своими военными и дипломатическими успехами русской дипломатии.

Мы видели, что сам Вильгельм I признал великие заслуги России в деле побед германской армии над французской. Более того, когда Австрия увидела, как дорожит Россия дружбой с Германией, она, опасаясь возможности заключения германо-русского союза и боясь очутиться между двумя враждебными ей соседями, как между молотом и наковальней, стала в свою очередь искать немецкой дружбы и, как только Бисмарк сделал ей глазки, бросилась в объятия своего вчерашнего недруга. Таким образом создался двойственный австро-германский союз, который скоро превратился в союз тройственный (Австрия, Германия, Италия). Итак, *полный разгром Франции, немецкая гегемония в Европе, создание Двойственного, а затем Тройственного союза, образование в центре Европы невиданного дотоле грозного военного лагеря, направленного, с одной стороны, против возрождающейся экономически и в военном отношении и быстро ставшей на ноги Франции, а с другой стороны—против самой России, все это—детище, создание рук самой русской дипломатии, которая за свою недальновидность поплатилась поражением на Берлинском конгрессе и потерей прежнего русского влияния в Европе и на Балканском полуострове*[1]).

Вместе с разгромом Франции, отторжением от нее двух лучших областей и наложением чудовищной для того времени контрибуции в пять миллиардов золотом, начинается новая эпоха в истории Европы, поворотный пункт в эволюции милитаризма. Военный бюджет во всех государствах начинает расти с поразительной быстротой, армия во всех странах перевооружается и увеличивается численно, вся Европа превращается в военный лагерь, в центре которого стоит, как грозная крепость, Германия железного канцлера Бисмарка. Влияние Германии в Европе растет не по дням, а по часам, и постепенно она захватывает гегемонию в свои руки; ее голос становится решающим в европейских делах, и все свое влияние, все искусство своей дипломатии официальная Германия направляет, как это ярко обнаружилось на Берлинском конгрессе, созванном в результате русско-турецкой войны 1876—1877 г.г., окончившейся разгромом Турции, против России. Неожиданно становится очевидным, что необычайно усилившаяся в экономическом отношении

---

[1]) О Берлинском конгрессе см. *Бисмарк* „Мысли и воспоминания" том II. *Max Choublier* „La question d' Orient depuis le traité de Berlin. (Восточный вопрос от Берлинского трактата). *G. Wyrobof.* La qu stion d' Orient et le traite de Berlin. (Восточный вопрос и Берлинский трактат) и в особенности *Габриель Ганото* „История современной Франции, (Histoire de la France contemporaine" vol. IV, стр. 293—392), Ганото пользовался для своей работы, главным образом, неизданными записками графа П. Шувалова „Souvenirs inedits du comte P. „Schouvaloff", полученными Ганото от Артура Раффаловича.

Германия не желает уже удовлетворяться достигнутыми ею результатами на европейском континенте и, идя на встречу потребностям немецкой промышленности и торговли, стремится создать для себя опорные базы на Балканах, в Константинополе, Малой Азии, в Персии. Традиционная русско-германская дружба окончательно порывается с того момента, как немецкий империализм начинает выражаться в стремлении Германии продолжить себе путь к Багдаду, а оттуда к Персидскому заливу [1]).

Оборонительно-наступательный союз между Австрией и Германией против России, т.-е. так называемый „Двойственный союз" был заключен в 1879 году. Первый пункт этого договора гласит следующее: „В случае, если одна из договаривающихся сторон будет атакована Россией, другая обязана притти ей на помощь всеми военными силами и заключить мир лишь по соглашении совместно с другой договаривающейся стороной". Этим пунктом договора создавалась могучая преграда продвижению России на Балканах, ибо в случае конфликта между Россией и ее конкурентом на Ближнем Востоке, более слабой Австрией, Германия, начавшая интересоваться восточными делами, обязывалась притти на помощь своему союзнику всеми своими силами.

В 1882 г., сейчас же после провозглашения французского протектората над Тунисом, на захват которого претендовала Италия, Двойственный союз превратился в Тройственный присоединением к нему Италии. Текст договора, связавшего в одно целое Италию, Германию и Австрию, оставался до последнего времени тайной. Во всяком случае был известен в общих чертах стратегический план военных действий Тройственного союза на случай конфликта с Россией и Францией. Так как в ту пору Россия считалась очень опасным противником в плане военных действий на случай столкновения с Двойственным союзом, главное внимание отдавалось ей. В случае войны, вся австрийская армия в составе пятнадцати корпусов, поддерживаемая на правом фланге половиной итальянской армии, а на левом — всей саксонской, должна была итти на Россию в то время, как вся остальная немецкая армия в составе 19 корпусов должна была обрушиться на Францию при поддержке итальянской армии с юга Франции. Кроме того, предполагалось, что Румыния обязалась всю свою армию направить в Бессарабию, чтобы отвлечь сюда

---

[1]) Подробнее об этом см. наши работы: „Империализм и война за великие железно-дорожные и морские пути будущего" третье издание. Госуд. издательство 1922 и „Борьба за Азию и Африку" (издание Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения. Москва. 1923).

часть русских сил, или по крайней мере помешать двум корпусам Одесского военного округа, которые должны были действовать против Австро-Венгрии.

Этот план в свое время был изложен нами в нашей заграничной нелегальной прессе и отчасти в легальной (см., например, „Современник", 1911, кн. IX). Из опубликованных ныне за-границей документов, а также весьма интересных материалов в статье Валентинова „Военные соглашения России с иностранными государствами до войны" („Военно-исторический сборник", выпуск 2, Москва 1919, см. стр. 94—124) подтверждается, что русский и французский генеральные штабы считались с перспективой участия итальянской и румынской армий в враждебных действиях против Двойственного союза, при чем силы румынской армии для действия против России определялись в 100 батальонов. Однако, эти русско-французские опасения не оправдались: присоединение Англии с ее колоссальными материальными рессурсами к Двойственному союзу сразу же поколебало у сторонников австро-германской ориентации в Румынии и Италии уверенность в разгроме Двойственного союза и в победе Германии, а впоследствии в процессе войны побудило обе „союзные" с Австрией и Германией державы перейти со всем своим оружием и багажем на сторону врагов распавшегося на другой же день после объявления войны Тройственного союза; но, потеряв Румынию и Италию, центральные державы приобрели новых союзников в лице Болгарии и Турции, которые отчасти были вынуждены к вмешательству на стороне Германии политикой Соглашения.

В виду усиления военной мощи Франции, в связи с непрерывным ростом ее военной индустрии и улучшением ее железнодорожного транспорта, падением военного престижа России и значительным разрушением материальной части царской армии в результате—в немалой мере по вине Франции — длительной и неудачной для России войны 1904—1905 г.г. с Японией [1]), а также возникшими в австро-венгер-

[1]) Французская печать высчитывала, что России нужно затратить по меньшей мере 3 миллиарда франков золотом только для того, чтобы возместить понесенную во время русско-японской войны потерю в ружьях, пушках, военных снарядах, провиантских запасах, вагонах, конском составе и восстановить материальную часть сухопутной русской армии в таком виде, в каком она была до войны 1901—1905 г.г. Одновременно эта война повела к уничтожению почти всего русского флота, погибшего в боях у Владивостока, Порт-Артура и в исторической битве при Цусиме, в которой погибло 17 лучших русских военных судов и было, кроме того, захвачено японцами 6. Заметим, что, как это констатирует Валентинов, японская война кончилась поражением России вследствие того, что мы начали войну с прекрасно вооруженными и обученными японскими войсками, послав против них второ-

ских кругах и впоследствии оправдавшимися сомнениями о роли Итилии в будущей войне, в первоначальный австро-германский план были внесены значительные коррективы. Было решено,—и об этом плане австро-германского штаба не раз упоминалось в специальной литературе довоенной эпохи, как оно в действительности и подтвердилось,—что в будущей войне Германия первоначально обрушится всеми своими силами на Францию, предоставив австро-венгерской армии сдерживать напор России до того момента, как германская армия, покончив с Францией, сумеет бросить свои главные силы против России. Как известно, этот план не привел к желательным результатам вследствие вмешательства Англии, а затем Америки, которые мобилизовали в процессе войны миллионы солдат на защиту французской территории и борьбу с Германией.

§ 2. Заключение русско-французского союза и русско-французские отношения до начала мировой войны. Подчинение русского генерального штаба французскому и превращение русской армии в наемные войска Франции.

Вопрос о союзе между Францией и Россией был принципиально решен правительствами обеих стран в августе 1891 г. Долгое время отношение французского правительства к русским революционерам делало заключение такого союза невозможным. Отказ в выдаче Гартмана, затем помилование Кропоткина возбудило сильное негодование в правящих кругах России по отношению к Франции. Русское правительство официально протестовало против помилования Кропоткина и затем отозвало из Франции своего посланника барона Моренгейма. Между тем осложнения на Балканском полуострове, антирусская политика Болгарии, опирающейся на поддержку Австрии и Германии, необычайные финансовые затруднения, обостряемые нашей зависимостью от берлинской биржи,—все это фатально толкает монархическую Рос-

очередные резервные неподготовленные части, взятые из внутренних округов, тогда как наши лучшие боевые части оставались в бездействии на западной границе в силу конвенции к Францией, заставлявшей нас держать всегда на германском фронте главные наши силы. Многим памятно, какое недоумение во всей нашей прессе и во всей России вызывала эта отправка на далекий фронт бородачей, давно забывших военную учебу и не знавших, как обращаться с новым ружьем, или же новобранцев, прямо снятых от сохи. Тогда эта нелепость объяснялась причинами внутреннего характера; теперь известно, что **этот образ действий был навязан русскому правительству Францией.** Лишь после длительных переговоров с Германией, обещавшей России строжайший нейтралитет, наше правительство рискнуло послать на Дальний Восток некоторые лучшие части наших войск. Но дело было уже непоправимо.

сию к сближению с республиканской Францией. В 1886 г. духовный вождь русских реакционеров, редактор „Московских Ведомостей“ Катков начинает кампанию против союза трех императоров, заключенного в Берлине в 1872 г., т.-е. против дружбы русского императора с Гогенцоллернами и Габсбургами, эксплоатирующими доверие России. С этого же момента известный в то время профессор Цион, сотрудник Каткова, начинает свою деятельность в пользу освобождения России от экономического и финансового подчинения Германии и представляет Александру III, конфиденциальный доклад, в котором настаивает на необходимости и возможности завоевать для русских займов французский рынок. Вся русская правая и либеральная пресса поддерживает кампанию в пользу сближения с Францией. Французская пресса, французское правительство и французская биржа не остаются равнодушными к растущим русским симпатиям по отношению к Франции.

В 1888 г. заключается на парижской бирже первый русский заем в 500 мил. фр., в 1889 г.—2-й и 3-й заем в 700 и 1.200 милл. фр., в 1890 г. в 360 милл., 300 милл. и 41 милл. ф., в 1891 г.—в 320 и 500 мил. фр. Таким образом за четыре года, непосредственно предшествовавших формальному франко-русскому соглашению, Франция ссужает русскому правительству колоссальную по тому времени сумму в *четыре миллиарда* франков золотом и, скупая в то же время на берлинской бирже русские ценности, тем самым подымает наш финансовый кредит во всей Европе. Этим золотом богатая Франция покупает благоволение царской династии и смягчает враждебное отношение последней к республиканской форме правления во Франции. А когда в 1890 г. французский министр Констан арестовывает группу русских эмигрантов в Париже, скомпрометированных, благодаря агенту-провокатору Ландезену, в подготовлении покушения против царской фамилии, русское правительстно окончательно примиряется с республиканским режимом во Франции. Благородный поступок французской полиции глубоко трогает русского царя, и после этого все препятствия к заключению между обеими странами военного союза падают [1]).

---

[1]) До начала XX столетия Франция ссужает России до шести миллиардов франков, т.-е. более той суммы, которую Франция уплатил. Германии в ввйде военной контрибуции (5 миллиардов фр.).

По истории франко-русского союза см. *Andre Mater* „L'alliance russe“ (Русский союз). Paris 1906. *Andre Tardièu.* La trance et les alliances. (Франция и союзы). A Paris 1909. *Ernest Daudet.* Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe 1873—1893. (Дипломатическая история франко-русского союза). Paris 1894 1894. *Hanotoux* Histoire de la France contemporaine vol III (Ганото. История современной Франции т. III).

В создании этого союза главная роль принадлежала двум столпам русской реакции: упомянутым выше Каткову и Циону.

Начало франко-русского союза относится к августу 1891 г., хотя, собственно говоря, между обеими странами был тогда заключен не союзный договор, а чисто военное соглашение в виду того, что по французской конституции заключение союзного договора, как и об'явление войны, требовало разрешения парламента, тогда как мобилизация армии могла быть об'явлена президентом республики помимо Палаты. Окончательный текст военной конвенции между Россией и Францией был подписан в августе 1892 г. генералом Баудефром и Обручевым. По § 4 этой конвенции *главным противником является Германия*, в виду чего против второстепенных противников, Италии и Австро-Венгрии, оставляется лишь необходимое количество войск. Соответственно этому Франция направляет против Германии от 1.200.000 до 1.300.000 войск, Россия направляет против Германии от 700.000 до 800.000 войск.

Эта военная конвенция с самого начала была более выгодна для Франции, чем для России, ибо для последней Австро-Венгрия отнюдь не была второстепенным противником. Впоследствии этот невыгодный для России характер конвенции был еще более усилен рядом дополнений и изменений, которые обязывали русскую армию *в самом начале* войны вторгнуться в пределы Германии, оставляя лишь заслон против австрийских войск. В 1899 г. между Россией и Францией было заключено политическое соглашение, подписанное министрами иностранных дел обеих стран, и таким образом союз между обеими державами был окончательно оформлен. С 1900 г. началась согласованная работа генеральных штабов обеих держав по подготовке к войне, для чего были установлены регулярные совещания, на которых присутствовали высшие представители русского и французского генеральных штабов, при чем любопытно, что в то время как за период с 1901 г. по 1910 г. совещания имели место не ежегодно, с перерывами, начиная с 1910 г. совещания состоялись регулярно раз в год, в 1910, 1911, 1912, 1913 г.г. Очевидно, что к этому периоду неизбежность мировой войны стала очевидной правительствам обеих держав.

Читатель найдет материал по истории франко-русского союза в статье проф. *Е. В. Тарле*. „Франко-русский союз“, напечатанный в 1-м и 2-м выпусках издания „Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию“. Москва, издание Маковского. Конечно, автор считал Двойственный союз крайне необходимым и полезным как в интересах обеих стран, так и вообще цивилизации. Тенденциозная точка зрения лишает работу Тарле всякого научного значения, все же при критическом отношении к ней статья Тарле может быть прочтена с пользой.

Начиная с 1890 г. между русским и французским военными министерствами установилась тесная связь. Русские ружья стали приготовляться на французском военном заводе в Chatellerault, где до этого никогда не принимались заказы для какого бы то ни было иностранного государства. По приглашению русского правительства, французские военные инженеры отправились в Россию, чтобы организовать здесь на тех же основаниях, что и во Франции, производство военных снарядов. Кроме того, французское военное министерство ознакомило наше с современными методами мобилизации армии, перевозки войск и их снабжения провиантом.

В награду за все эти услуги и прежде всего за французское золото, которое, как из рога изобилия, сыпалось в результате успешных займов на французской бирже в руки царского правительства, Россия оказалась вынужденной, во-первых, предоставить французским капиталистам важнейшие концессии на сооружение и эксплоатацию трамвайных линий, железных дорог, электрических станций, угольных копей и железных рудников Донецкого бассейна и т. д., во-вторых, принять на себя обязательство в случае войны с Тройственным союзом следовать разработанному французским генеральным штабом плану военных действий, совершенно не соответствовавшему ни экономическим, ни военным силам России. Вследствие сравнительно слабого развития нашей железнодорожной сети и вытекавшей отсюда медленности нашей мобилизации Россия в случае войны с такими сильными противниками, как Германия и даже Австро-Венгрия, должна была бы в первый период войны ограничиться лишь оборонительными действиями, никоим образом не переходя в решительное наступление в период собирания своих сил. Только такой план действий сулил русской армии серьезные успехи в борьбе с таким противником, как Германия. Но этот план совершенно не соответствовал интересам Франции. Как в свое время мы писали в нашей нелегальной заграничной прессе,— „мобилизационный план России, обусловленный военной конвенцией с Францией, рассудку вопреки, наперекор стихиям, покоится на быстром наступательном движении против врага при первом же начале военных действий. С этой целью 15 корпусов русской армии, расположенные в трех военных округах—Киевском, Варшавском и Виленском, поддерживаемые войсками Московского и С.-Петербургского военных округов, сосредоточившись на укрепленной позиции между Бугом, Наревом и Вислой, должны были вторгнуться, пользуясь географическим положением Царства Польского, врезывающегося клином между Германией и Австрией, на территорию про-

тивника в качестве авангарда трехмиллионной армии, которая позже двинулась бы из всех округов России“.

Как явствует из документов, впервые опубликованных в ст. Валентинова „Военные соглашения России с иностранными государствами до войны“, на основании военной конвенции с Францией, русские войска обязывались перейти границу не позже 14 дня от начала военных действий. Особенно выпукло точка зрения французского генерального штаба на роль в России в будущей войне была формулирована ген. Пендзеком на совещании с ген. Сахаровым в феврале 1901 г. в Петербурге:

„Ген. Пендзек высказал, что помощь, которую Франция ожидает от России, сводится к двум следующим пунктам: 1. Отвлечь с французского фронта часть германской армии, достаточную для того, чтобы предоставить французской армии наиболее шансов успеха в решительном бою начала кампании, которого можно ожидать, начиная с 14 дня. 2. Если же исход этого боя, вследствие какого-либо несчастья, все-таки склонился бы не в пользу Франции, *немедленно воздействовать на французское общественное мнение и на дух* французской армии хорошим известием с русского фронта [1]). Первое условие будет выполнено, если русские войска начнут наступление, и головы колонн русской пехоты перейдут границу *не позже 14 дня*, при чем для этой операции будет направлено достаточное количество войск с шансами на успех против 6—8 германских корпусов. Второе условие также будет выполнено, если известие об успехе русского оружия или по крайней мере о вторжении русских войск в пределы Германии придет во Францию не позже того дня, когда произойдет *решительный бой* начала кампании, т.-е. также на 14 день“.

Все последующие совещания, и в том числе последнее перед мировой войной, состоявшееся в августе 1913 г., санкционировали лишь французскую точку зрения и обязательство России в будущей войне перейти *немедленно* в наступление против Германии. Таким образом, совершенно не была принята во внимание военная мощь Австро-Венгрии с ее 50-миллионным населением, развитой по сравнению с Россией промышленностью, усовершенствованными стратегическими железными дорогами, имевшими целью сделать возможным наступление прекрасно вооруженной австро-венгерской армии против России до окончания русской мобилизации и в видах отвлечения русских войск от продвижения в Германию. Этот „недосмотр“ в навязанном России и выработанном французами плане военных действий слишком бросался

---

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

в глаза, чтобы его могли не заметить наши немногие генералы, посвященные в тайные условия военной конвенции. Но на все замечания наших представителей о необходимости иметь в виду и Австрию, французы безапелляционно, как бы в порядке приказа, заявляли, что главным врагом необходимо считать Германию и что прежде всего нужно стремиться к разгрому последней.

С момента подписания франко-русского договора, Россия превратилась в полуколонию Франции, *русская же армия стала играть роль какого-то наемной армии в руках французских империалистов* [1]). Неудивительно, что русские генералы превратились в марионеток французского генерального штаба, и единственное право, которое им было предоставлено, это обсуждение технических условий обязательного, хотя и крайне рискованного для русской армии вторжения в Германию при *самом же начале войны* с Тройственным союзом.

Именно в целях осуществления условий военной конвенции, подписанной между Россией и Францией, очевидно, для того, чтобы немедленно воздействовать на французское общественное мнение и на дух французской армии, русская армия, успешно боровшаяся с 25 австрийскими дивизиями, наступавшими на фронте Ополе—Красностав—Бель и совершенно разбившая 12 австрийских дивизий при Львове, оказалась вынужденной выделить только для одной 2-й армии Самсонова целых семь корпусов и три кавалерийских дивизии для вторжения в Восточную Пруссию в то время, как англо-бельгийско-французская армия, разбитая при Шарлеруа, отступила к Марне. Прекрасно вооруженные армии трех союзников отступали перед германскими полчищами, а в это время менее хорошо вооруженная русская армия должна была вести наступательную войну на двух фронтах, при чем на германском фронте в необычайно трудных условиях озерного района. Чтобы облегчить положение французской армии, поспешно отступавшей перед натиском немцев по направлению к Парижу, русское командование бросило в Восточную Пруссию 1-ю армию Ренненкампфа и 2 ген. Самсонова. Спасая Париж, обе русские армии спешно выступили в трудный поход недостаточно подготовленными к бою с таким серьезным противником, каким являлись немцы. В результате вся вторая армия, состоявшая из 7 корпусов и 3 кавалерийских дивизий, погибла под ударами Гинденбурга в Мазурских болотах, при

---

[1]) Продав русскую армию французским биржевикам, Николай II у себя в комнате, между четырьмя стенами, позволял себе потешаться над Францией. В спальне Николая II в Зимнем дворце стоял у окна небольшой прибор, исполнявший Марсельезу при вращении клоуна. Так царь приучал детей потешаться над национальным гимном дружественной Франции.

чем погиб при неизвестных обстоятельствах, уходя пешком от неприятеля, сам командующий армией Самсонов. Однако, впечатление от победоносного вначале продвижения русских войск по Восточной Пруссии было так сильно и вызвало такую панику в Берлине, что даже хладнокровные немцы растерялись, сняли в разгар наступления на Париж свыше двух корпусов для переброски на восток и защиты этого оплота династии Гогенцоллернов, твердыни прусских помещиков — священной территории Восточной Пруссии. Удар русской армии по гнезду прусских землевладельцев не мог остаться без результата на весь план военных действий немецкого генерального штаба. Франция была спасена, но лучшая русская армия, численность которой, по данным 3—16 августа 1914 г. штаба армии, определялась в 400 тысяч человек (347.000), была совершенно уничтожена. Гибель этой армии, которая уже по одной своей численности составляла более $^1/_3$ всех наших сил, находившихся в этот момент на фронте, притом армии лучше других вооруженной, включавшей в своем составе наши лучшие гвардейские части (гвардейский корпус), потеря всей артиллерии, сотен тысяч винтовок, конского состава, обозов и т. д., не могла не отозваться роковым образом на дальнейшем ходе войны, ослабив и без того недостаточные технические средства русской армии и поколебав уверенность наших солдат в возможности победить немцев, вооруженных тяжелой артиллерией, какой в то время не было у России, и находившихся под командой более сведующих полководцев. Геройская русская армия погибла в Мазурских болотах под ударами войск прусского помещика Гинденбурга только для того, чтобы дать возможность королям французской биржи, французским ростовщикам, вырвать победу из рук немецких юнкеров в битве при Марне, и затем с помощью английских и американских войск и прежде всего тех же „серых скотинок", как презрительно назвал „наших" солдат генерал Драгомиров, и чернокожих батальонов, окончательно разгромить Германию и стать в результате победы „французского" оружия во главе международной контр-революции, направленной в первую голову против России.

Русский генеральный штаб не мог не видеть всю невыгодность военного плана, навязанного французскими Шейлоками царской России. Было очевидно, что русская армия должна итти на верное поражение в угоду французским империалистам, что за французское золото, полученное нашим правительством, русская армия должна заплатить не только кровью своих миллионов солдат в тяжелой войне, где мы не имели шансов победить, действуя по навязанному Францией

плану, но и военным престижем России,—престижем, которым дорожил наш генеральный штаб. Но все попытки последнего отстоять интересы России обречены были на неудачу. Так, когда в 1909—1910 г. были внесены весьма существенные коррективы в наш мобилизационный план и произведена вполне разумная дислокация войск с целью усилить военную мощь России, эти изменения вызвали необычайную тревогу в военных кругах Франции только потому, что эти коррективы отсрочивали момент наступления русских войск в случае войны с Германией. Дело в том, что в изменение первоначального плана, покоившегося на принципе быстрого наступательного движения против Германии и Австро-Венгрии, при первом же начале военных действий, русский генеральный штаб, исходя из чрезвычайного усиления военной мощи обеих враждебных держав и медленности мобилизации русской армии, *признал невозможным для последней*, при данных условиях, сразу перейти в наступление, и в силу этого необходимым прежде всего сосредоточиться в глубине России, подальше от неприятельских войск, чтобы затем, собравшись с силами и закончив длительную мобилизацию, обрушиться на врага. Это был единственно целесообразный план, суливший успех русской армии в борьбе с грозными противниками, имевшими на своей стороне преимущество более быстрой мобилизации и превосходство технического вооружения. Основная идея нового плана заключалась в сосредоточении главных корпусов, предназначавшихся для первых действий на случай войны, в центральных губерниях с целью предоставления России возможности перенести свои силы из центра на любой фронт.

Во исполнение этого плана многие русские крепости, в том числе такие важные, как Либава и Дубно, являвшиеся конечными опорными пунктами фортификационной обороны нашей западной границы, были упразднены. 5-й корпус русской армии, стоявший на левом берегу Вислы, в первой линии около германской границы, был уведен далеко назад на линию Пермь—Вологда. Та же участь постигла и 16-й корпус. Вместе с тем новообразованные из 232 резервных и крепостных батальонов три корпуса (24, 25 и 3-й кавказский) не придвинуты, как это было сделано раньше, к австро-немецкой границе, а, наоборот, отодвинуты в глубь России к ее окраинам.

Русский писатель Сергей Шарапов сделал попытку, очевидно, по заданиям нашего штаба, убедить французов в рациональности нового русского плана, и поместил специальную статью по этому вопросу во французском еженедельнике „Мнение“ („Opinion“) 1911, № 7.—„Новый русский стратеги-

2*

ческий план". Но это был напрасный труд. Статья Шарапова никого, конечно, не убедила и вызвала только саркастические или негодующие замечания по поводу этого плана. „Увы,—писал в том же „Opinion" („Мнении") Эдуард Жилья в статье „Отход русских войск от немецкой границы",—когда другие (т.-е. русские) будут готовы к бою, участь нашей страны будет решена". Вся французская пресса, очевидно, по указанию свыше, писала в таком же тоне. Итак, с французской точки зрения дело заключалось совсем не в том, чтобы русская армия была готова к победе, а прежде всего в том, чтобы быть готовой отвлечь на себя, хотя бы с риском потерять кампанию на русском фронте, часть германских войск для облегчения задач французской армии. Само собой разумеется, что по требованиям Франции России пришлось отказаться от такого плана.

Итак, мы видим, что франко-русский союз, созданный прежде всего по инициативе таких реакционеров, как Катков и Цион, горячо поддержанный затем всей нашей либеральной печатью и кадетами во главе с Милюковым, равно как Керенским, этим холопом Антанты, погубившим в июньском наступлении 1917 г. десятки тысяч русских солдат, превратил Россию в полуколонию французских шейлоков, а русскую армию, со всем ее пышным генералитетом в нечто подобное чернокожим французским войскам, которые также должны были погибать во славу французского капитала и правящих классов метрополии, не имея даже того утешения, которое остается у солдат, защищающих границы своего отечества. Ибо поскольку русская армия уже в мирное время вынуждена была строиться по явно нецелесообразному, с точки зрения защиты границ России—мобилизационному плану, а во время войны действовать, считаясь с обстановкой и условиями военных действий *на французском, а не на русском фронте*, эта армия защищала подступы к столице Франции—Парижу, но зато широко открывала свои собственные границы для неприятельского вторжения.

§ 3. Эксплоатация военных сил России союзниками в период мировой войны. Вооружение русской армии и отсутствие помощи со стороны союзников.

Мы видели, что уже задолго до войны Франция навязала русской армии мобилизационный план, явно противоречивший интересам России, не допускавший победы России в борьбе с такими грозными соперниками, какими являлись Германия и Австро-Венгрия. Если принять во внимание, что, по расчетам французов же, в войне против России, кроме части немецких

войск (от 5 до 6 корпусов), на русском фронте должны были действовать не только вся австрийская армия, но также румынская (5 корпусов) и около половины или трети итальянской, становится особенно очевидным односторонний узкоэгоистический характер мобилизационного плана, навязанного французским штабом нашему генералитету. Все распределение наших сил в мирное время, дислокация наших войск, разделение их по качеству и степени готовности преследовали одну цель: сделать русскую армию способной к наступлению на Восточную Пруссию, не считаясь совершенно с тем, какие события будут разыгрываться в пределах русской территории. Можно себе представить, что произошло бы, если бы война 1914 г. разыгралась, примерно, в условиях, которые предусматривались на совещаниях представителей русско-французского генерального штаба в 1906—1907 г. При условии действия на русском фронте не только всей австрийской, но также почти всей румынской и части итальянской армии, вся Бессарабия, Херсонская губерния, Одесса, значительная часть черноморского побережья, Польша были бы отданы на разграбление врагу, наводнены многочисленными неприятельскими войсками, которые не встречали бы на своем пути серьезного противодействия, в то время как главные наши силы действовали бы на пустом почти пространстве в Восточной Пруссии только для того, чтобы играть малопочетную для боеспособной армии роль „оттяжного пластыря" и задержать таким образом наступление германских войск на французской территории. Этот односторонний анти-патриотический, с русской точки зрения, совершенно невыгодный для России характер русско-французской конвенции был слишком очевиден немногим представителям нашего генерального штаба, посвященным в условия тайной конвенции с Францией, но таковы были магическая сила французского золота и влияние парижской биржи на всю нашу внешнюю политику и военную организацию нашей армии, что все попытки внести какие-либо более или менее существенные коррективы в план дислокации русских войск в целях обеспечения успешной обороны русской территории, не могли иметь успеха, в виду решительного несогласия французского генерального штаба считаться с подобного рода соображениями. Франция платила деньги, и, стало быть, она имела право распоряжаться русским пушечным мясом по своему усмотрению. В этом вопросе оба последних императора, Александр III и Николай II, совместно с малодушными представителями нашего генерального штаба, призванными защищать интересы и честь нашей армии и неприкосновенность русской территории, действовали как прямые Иуды-предатели, изменники своему отечеству, прода-

вавшие за французское золото родную страну парижской бирже. Так было до войны.

Мировая война и беспримерная тяжесть, выпавшая на долю русской армии в силу необходимости выполнять условия военной конвенции с Францией, особенно ярко подчеркнули всю невыгодность для России, весь односторонний характер этой конвенции, полезной только для Франции. В то время как англо-бельгийско-французская армия, прекрасно вооруженная, обильно снабженная тяжелой артиллерией, миллионами и миллионами винтовок, десятками тысяч пулеметов, тысячами танков и аэропланов и т. д., за весь долгий период войны имела только одну серьезную полевую битву, именно на Марне, а затем почти без перерыва вела позиционную войну, которая, собственно говоря, является затяжкой войны, если не ее временным прекращением, русская армия, недостаточно вооруженная, плохо обутая и одетая, во исполнение условий военной конвенции, которую не могли выполнить союзники, даже при поддержке более, чем миллионной американской армии, вела кровавые полевые и маневренные бои; так, русская армия катастрофическим для России наступлением на Восточную Пруссию в августе 1914 г. спасла союзную армию от поражения на Марне, пожертвовав в интересах союзников семью корпусами, тремя кавалерийскими дивизиями и значительным количеством столь необходимого для страны оружия; безостановочно наступая на Львов, губя сотни тысяч русских солдат в битвах с лучше вооруженным противником, без помощи которого Германия не могла бы вести войны, упорными битвами на лодзинском фронте, грозившими прорывом немецкого фронта и полным разгромом Австрии, заставила Германию прервать битву на Изере, отказаться на полтора года от наступательных действий во Франции и повернуться против нас главными силами; несмотря на ряд тяжелых испытаний и кровавых потерь, совершила луцкий прорыв, обнаружив при этом такую боевую энергию и настойчивость, какую даже в малой степени не обнаружили союзники в одновременных атаках на Сомме. Наконец, по приказу агента Антанты Керенского, продолжавшего преступную политику наемников французской биржи—русских царей и нескольких русских генералов, продавшихся французскому штабу, русская армия произвела безнадежное наступление в июне—июле 1917 г. После этого преступного наступления не только всем русским солдатам и рабочим, но и тысячам честных офицеров, посвоему преданных России, стало ясно, что при новом „демократическом“ правительстве русская армия должна играть ту же позорную роль слепого орудия и пушечного мяса в руках французских ростовщиков, какую она играла при царях.

Несмотря на все великие жертвы, понесенные русской армией в мировой войне, на колоссальную роль, сыгранную нашей армией в победе союзников, ибо *только через поражения русской армии, не дававшей ни минуты покоя австро-германским войскам, союзники пришли к своим победам,* купленным прежде всего русской кровью,—союзники с самого начала войны стремились умалить роль России в войне и в ложном свете представляли события в последней. Одним из излюбленных приемов союзной прессы для умаления роли России в войне являлось сопоставление числа неприятельских пехотных батальонов, находившихся, с одной стороны, на западном фронте, с другой—на русском. По данным, представленным на союзной конференции в Шантильи в ноябре 1916 г., на западном фронте числилось 1314 немецких батальонов, а на русском всего 1.232, т.-е. на 182 батальона меньше.

При этом совершенно не принималось в расчет, во-первых,— 225 турецких батальонов, действовавших на кавказском фронте и отвлекавших более 200 наших батальонов, не говоря уже о том, что в этих рассчетах намеренно упускалось из виду наличие почти всей немецкой кавалерии (10 дивизий), не говоря уже об австрийской на русском фронте. Таким образом, очевидно, что, вопреки всем французским выкладкам, отсталая, экономически бедная Россия, несмотря на сравнительно слабое вооружение ее армии, в интересах Антанты притянула на себя, приковала к русским границам и русской территории главную часть неприятельских сил. Несмотря на эти громадные неприятельские силы, русская армия вела с последним активную борьбу, а не отсиживалась за проволочными заграждениями, как это делали наши доблестные союзники. Казалось бы, что, по мере того, как силы союзников возрастали, а силы России истощались в тяжелых боях, давших возможность Антанте увеличить свою мощь, требования союзников по отношению к России должны были уменьшиться. В действительности, случилось обратное. Пока Франция чувствовала себя слабой, пока английская армия не была еще сформирована, Антанта все-таки несколько считалась с нашим командованием. Но после того, как силы союзников возросли численно и технически, после того, как Италия объявила войну центральным державам, Англия довела свою армию до 2.000.000 состава, Америка высадила свои войска, численность которых довела более, чем до 1 миллиона солдат, Антанта начала третировать Россию так, как никогда. Можно сказать, что если с Россией обращались в начале войны как с лакеем, наемником Антанты, в последующий период, особенно при Керенском, союзники обращались с русской державой как с своим рабом, которому лишь приказывают, а в случае неисполнительности бьют палкой или кнутом.

Но, может быть, союзники, хотя бы в своих эгоистических целях, все же оказывали русской армии серьезную помощь в той или иной форме в период войны? Во время войны многие предполагали, и это убеждение до сих пор разделяется не малым количеством сведующих людей, будто союзники усердно снабжали русскую армию техническими средствами, винтовками, тяжелой артиллерией и т. д. и оказали по крайней мере в этом отношении великую услугу нашей армии. Факты опровергают все эти предположения. Вышедшая в прошлом году в издании „Военно-Исторической Комиссии" книга А. А. Маниковского самым обстоятельным и объективным образом освещает этот вопрос. Вот что пишет А. А. Маниковский о помощи, оказанной союзниками русской армии в деле снабжения ее предметами боевого снабжения:

„Когда в самом начала войны выяснилась крупная нехватка предметов боевого снаряжения, особенно винтовок с патронами, и полная невозможность быстро получить все это на внутреннем рынке, было решено прибегнуть к рынкам заграничным, сперва наших союзников — Франции, Англии и Японии, а затем Америки. Прежде всего речь зашла о винтовках. На наши просьбы уступить нам из наличных запасов готовые винтовки *было отвечено отовсюду категорическим отказом,* и только после больших усилий удалось купить в Японии небольшую партию в 300.000 винтовок. Тогда мы обратились с просьбой разместить заказы на наши винтовки на возможно короткие сроки. *Франция, Англия и Япония решительно отказались в виду невозможности уделить нам хотя часть производительности своих оружейных заводов* [1]); приспособлять же для этой цели какие-либо другие заводы, а тем паче возводить новые,—там считали делом явно безнадежным, о чем так прямо и заявили нам" („Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 г.", часть I, составил А. А. Маниковский, см. стр. 19).

Каким же образом Россия вышла из этого положения? Как сумело наше царское правительство все же побудить наших верных союзников и друзей хоть чем нибудь помочь русской армии, изнемогавшей в наступательной войне и кровавых полевых боях, в то время как французская армия, несмотря на условия военной конвенции, очевидно, обязательной лишь для России, воздерживалась от наступления и более или менее рискованных операций? Царское правительство попросту перевело за границу громадные запасы золота и создало там заводы, которые стали с грехом пополам работать на вооружение русской армии. Вот что пишет Маниковский (стр. 22) об этом факте, мало кому известном в России:

---

[1]) Курсив наш. *М. П.*

„*Без особенно ощутительных для нашей армии результатов*, в труднейшее для нас время, нам пришлось влить в американский рынок колоссальные количества золота, создать и оборудовать *там на наши деньги* массу военных предприятий; другими словами, произвести на наш счет *генеральную морализацию американской промышленности*, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной.

В степени меньшей, но все же довольно значительной, мы сделали *то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии.*

В итоге мы сознательно помогли и этим странам в столь трудном деле, как развитие военной промышленности".

В общем, за все время войны русская армия получила от союзников 1.803.000 винтовок, в том числе 400.000 итальянских ружей *устарелого* образца, которые пришлось отправить в лагери для обучения новобранцев. Этого числа винтовок было совершенно недостаточно, ибо ежемесячная убыль в винтовках, благодаря энергичным действиям русской армии и большим потерям, достигла в России 200.000, что в течение трех лет войны составило около 7.200.000. Россия начала войну, имея в войсках и запасах 4.652.000 винтовок, да за время войны поступило с русских казенных заводов 3.277.000 новых винтовок. Если принять во внимание колоссальную ежемесячную убыль в винтовках в результате непрерывных боев, окажется, что Россия для полного снабжения нашей армии в течение мировой войны должна была бы иметь, по вычислениям А. А. Маниковского, около 18 миллионов (17,7 м.) винтовок. Таким образом, недохватка в ружьях достигала колоссальной цифры 9—10 миллионов. Эту недохватку союзники пополнили в самых недостаточных размерах, уступив нам всего 1.803.000 винтовок частью устарелого образца, т.-е. дали нам гораздо меньше, чем успели приготовить за время войны наши отсталые казенные заводы. Остается только удивиться, что при таком недостатке вооружения, при отсутствии тяжелой артиллерии и малом количестве снарядов для орудий всех калибров, русская армия все же нашла в себе силы вести активную маневренную войну, которая требовала страшного напряжения и вызывала большие потери людьми и в материале, в то время как многомиллионная англо-французско-бельгийская армия, вооруженнаи с ног до головы, ограничивалась неподвижной позиционной войной, или, в лучшем случае, частными наступлениями, приводившими к победоносному продвижению на несколько метров и взятию в плен нескольких сот, самое большее нескольких тысяч неприятельских солдат.

Активность, проявленная русской армией, тем более поразительна, что, как явствует из документов, опубликованных в работе Валентинова („Сношения с союзниками по военным вопросам в войну 1914—1918 г.г.", часть I, составил Валентинов, см. стр. 87—88), силы русской армии никогда не были столь многочисленны, как это обычно предполагалось. В общем, действующая русская армия не могла похвастаться своей численностью. Так, в декабре 1915 г. силы русской армии на австро-германском фронте не превышали 1.500.000 человек. Представитель России на конференции в Шантильи ген. Жилинский тщетно старался убедить союзников, будто приблизительная сила нашей армии определяется в 2.750.002, но в своих официальных донесениях ген. Алексееву ген. Жилинский, сообщая о своей попытке убедить союзников в том, будто Россия имеет такую многочисленную армию, тут же прибавляет: „Из сведений, которые вы мне дали в бытность мою в ставке, *я знал истинный, весьма слабый состав наших сил* [1]), но, конечно, хранил это в безусловной тайне".

Главным препятствием, мешавшим увеличению численности русской армии, было отсутствие оружия вследствие быстрого истощения русских запасов после ожесточенных первых боев. В январе 1915 г., в бытность русского министра финансов Барка в Париже, президент республики сообщил ему, что „от великого князя Николая Николаевича получена телеграмма, сообщающая о большом недостатке ружей, при чем великий князь указывает, *что отсутствие в этом деле помощи Франции—фатально для России и приводит его лично в отчаяние*" (см. цитированную работу Валентинова, стр. 33). В феврале 1915 г. английский ген. Паджет сообщал Кичинеру о своей беседе с великим князем Николаем Николаевичем. „Общее положение дел представляется весьма критическим для русской армии... *С каждым днем вопрос о ружьях и снарядах становится все серьезнее. Миллион винтовок необходим, чтобы иметь возможность перейти в наступление, так как без этого никакие резервы не могут быть посланы для усиления боевой линии*" (там же, стр. 36—37). В мае 1915 г., верховный главнокомандующий, в телеграмме на имя Жоффра и Кичинера, сообщая о переброске с западного фронта на русский громадных неприятельских сил в числе 11 дивизий пехоты и 3 или 4 кавалерийских дивизий, так как число немецких пехотных дивизий на русском фронте возросло до 38 или даже 42, а кавалерийских до 10, пишет: „*Для нас совершенно необходимо получить как можно скорее артиллерийские снаряды, а также ружья с патронами.* Недостаток снарядов был, конечно, одной

---

[1]) Курсив мой. *М. П.*

из главных причин неудачи, которую потерпела наша третья армия (там же, стр. 77).

В книге Валентинова приведен ряд документов из переписки между русским и французским верховным командованиями, свидетельствующих о том, что, несмотря на слабую помощь русским войскам оружием и активными военными действиями, союзники самым настойчивым образом требовали от России самого энергичного и безостановочного наступления против германских войск. По условиям русско-французской военной конвенции, обе армии, и русская и французская, при самом начале военных действий обязывались перейти в наступление против неприятельских войск. Франция даже при помощи Англии и Бельгии, а впоследствии Америки и Италии, долгое время не была в состоянии привести это условие русско-французской конвенции в исполнение, между тем русскому командованию вменялось в обязанность безостановочно атаковывать всеми наличными силами грозного противника.

§ 4. Активность русской армии и ее помощь союзникам.

Этими активными действиями как на германском, так и на австрийском фронтах, Россия, ценой колоссальных жертв не только в виде потерь людьми и крайне ценным для русской армии военным материалом, но и в виде потери территории, заставила германский штаб изменить план войны и перенести на восток центр тяжести наступательных действий. Русский штаб рассчитывал, что союзники примут во внимание положение русской армии, создавшееся в результате непрерывных наступательных действий против австро-германцев, и с своей стороны предпримут энергичные активные действия, чтобы помешать противнику нанести поражение русским войскам. Однако, союзники не шли дальше частичных действий, результаты которых были очень ничтожны. „*Опять на полметра продвинулись*", резюмировал иронически генерал Данилов результат одного из наступления англо-франко-бельгийской армии. На других телеграммах Жоффра или Кичинера мы читаем такие же справедливые пометки того же генерала Данилова: „Старая песня" или „Пока все только слова" и т. п., характеризующие настроение ставки, которая не могла не видеть, что правительства и штабы Англии и Франции принимают интересы своего фронта за интересы всего союзного дела, мало беспокоятся по поводу страшных потерь России людьми, материалами и территорией. Русская армия должна была играть такую подчиненную роль, которую играли индусские и чернокожие войска, несмотря на то,

что в войне с центральными державами именно эта русская армия явилась важнейшим фактором, расшатавшим военные силы Австрии и Германии.

Действия русской армии на австро-германском фронте были так энергичны, что уже к маю 1915 г. немцам пришлось в четыре или пять раз увеличить численность своих пехотных дивизий, в десять раз численность кавалерии на русском фронте. Вследствие отсутствия энергичного и непрерывного наступления на западном фронте, число пехотных, полевых и резервных немецких дивизий на русском фронте возросло с 9 дивизий в начале войны до 38 или даже 42 дивизий к маю 1915 г., а число кавалерийских с 1 до 9 или даже 10 (см. телеграмму русского верховного главнокомандующего на имя Жоффра и Кичинера. „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.“, часть I, стр. 46). Значительная часть этих пехотных и кавалерийских частей была снята с западного фронта. Наоборот, ни одна германская часть, раз введенная в действие на нашем фронте, не могла вследствие усиленной русской армии быть переведена на западный фронт.

Особенно страшные удары нанесла Россия австро-венгерской армии. Именно Россия, и только Россия, уничтожила военную мощь двуединой империи, без самой активной помощи и поддержки которой Германия не могла держаться. Особенно тяжел по своим последствиям для Австрии был прорыв австрийского фронта в течение русской весенней и летней наступательной кампании 1916 г. В результате упорного наступления русской армии, которого не могли остановить самые тяжкие потери наших войск в борьбе с противником, имевшим на своей стороне все преимущества технического превосходства, а особенно в артиллерии, австрийский фронт был прорван, австрийская армия разгромлена, а германская потерпела сильный урон. За время этой операции (с 24 мая по 5 сент. 1916 г.) австрийская армия потеряла взятыми в плен 8.924 офицеров и 408.000 нижних чинов, а военной добычи было взято 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Была отнята у противника территория в 25.000 кв. верст. Эта победа спасла Италию от неизбежного разгрома и облегчила положение англо-французских войск.

Царская Россия нанесла, благодаря упорным боям ее армий на полях сражений, сильнейшие удары военной мощи Австрии и Германии и поколебала устои германского империализма. Но главный удар последнему был нанесен октябрьской революцией. Именно в борьбе на Востоке с рабоче-крестьянской Россией была окончательно подорвана боевая мощь Германии на западном фронте. В России впервые загорелась почва

под ногами у немецких солдат, и, по признанию двух германских военных авторитетов, именно русская революция разложила германскую армию и ускорила падение Германской империи.

§ 5 Военная конвенция с ее „стратегическими нелепостями", как главная причина поражений русской армии.

Задачи, которые, согласно взглядам и требованиям союзников, должна была выполнять русская армия, были вполне ясно формулированы на военной конференции в Шантильи 12 марта 1916 г., где был выработан общий план действий. Вот как формулированы эти задачи для каждой из главных армий коалиции.

„1-е. Французская армия. Французская армия *должна* во что бы то ни стало *защитить свою территорию* [1]), чтобы немецкое нападение разбилось об ее организованную *оборону* [1]). Этим она нанесет непоправимый ущерб престижу центральных империй, давая вместе с тем остальным армиям коалиции необходимое время, чтобы устроиться, собрать свои силы и подготовить нападение.

2-е. Английская армия должна сосредоточить наибольшую часть своих сил на французском фронте и потому возможно скорее перевести туда все дивизии, которые не представляется крайне необходимым оставить в Англии и на других театрах.

3-е. Русская армия.

Мы просили русскую армию:

а) Оказать возможно действительное давление на неприятеля, дабы не дать ему возможности с русского фронта вывести свои войска и связать ему свободу действий.

б) Немедленно начать все приготовления к переходу в наступление".

Спрашивается, во имя чего русская армия должна была истощать свои силы и отдавать врагу территории, в то время как Франция считала своим священным долгом защищать прежде всего свою территорию? Могла ли царская Россия рассчитывать в серьезную минуту на какую-нибудь поддержку союзников? На этот вопрос нам дает ответ главнокомандующий русскими армиями генерал Алексеев в письме к ген. Жилинскому. Алексеев рисует картину несогласованности действий союзников и выполнение ими *плана, невыгодного для России.* Взгляды союзников Алексеев характеризует, „как эгоистические, как пагубные для дела, как стратегические

---

1) Курсив наш. *М. П.*

нелепости". Настаивая на необходимости решительной отповеди на „все подобные выходки", ген. Алексеев делает следующее заключение в инструкции ген. Жилинскому от 16 янв. 1916 г.

„Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им очень нужны, на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. *За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку.* Это ведь не услуги, а выгодная сделка. Но выгоды должны быть хоть немного обоюдные, а неодносторонние. Они не дают нам теперь необходимого, говоря, что еще не заготовили всего для будущих формирований, которые когда-то еще будут. Итак, мы деремся без тяжелой артиллерии; у англичан лежит без дела тяжелая артиллерия, ибо еще нет тех войск, которые нужно вооружить этой артиллерией. Кальвелль говорил, что в апреле их армия будет „насыщена тяжелой артиллерий, и англичане могут начать помогать нам", значит, помощь мы получим в июне (в лучшем случае), а в марте—апреле нужно атаковать противника. Думаю, что все эти вопросы нужно ставить определенно и без оговорок. Быть может, пользы особой и не будет, но и вреда тоже, а *своекорыстные идеи* союзников выяснить нужно. Повторяю, что мы им очень и очень нужны".

Ген. Алексеев в своей переписке с Жилинским и другими в период мировой войны не раз подчеркивал грубо-эгоистическое, своекорыстное отношение к России союзников, готовых снять, по его собственному выражению, последнюю рубашку с России за всякую оказанную услугу. После таких признаний, такой оценки отношения союзников к России остается лишь удивляться патриотизму этого генерала, который в период гражданской войны бежал, как известно, на Дон, и здесь с помощью тех же союзников объявил войну против Советской власти. Очевидно, на этот раз наш великий полководец уже вполне сознательно и по собственной инициативе решил снять „последнюю рубашку" с России и отдать ее „своекорыстным", „эгоистическим" союзникам, лишь бы только восстановить власть помещиков.

„Своекорыстное, эгоистическое" отношение союзников к России проявилось, между прочим, в вопросе о Дарданеллах. Несмотря на то, что русская армия своими активными действиями на австро германском фронте решительно не допустила в период 1914—1916 г.г. усиления германских войск против Англии и Франции, дав этим возможность союзникам постепенно накопить свои силы, увеличить значительно численность своих армий и вооружить последние с ног до головы, союзники, придираясь к тому, что Россия, занятая

на австро-германском фронте, вынужденная мобилизовать многочисленную армию на кавказском фронте, где она приковала более 200 турецких батальонов, не имела возможности, помимо этих причин, по чисто географическим условиям, принять активное участие в дарданелльской операции, добивались разрешения вопроса о проливах в нежелательном для русских империалистов смысле (см. об этом „Сношения с союзниками“ и т. д., часть I, стр. 41—42).

Насколько союзники не доверяли друг другу, видно из того, что, когда в результате полной неудачи дарданелльской операции и страшных потерь, понесенных союзниками в этой авантюре, решено было очистить Галлиполи, при чем на союзной конференции в Шантильи был поставлен вопрос, очистить ли совершенно полуостров, или поставить небольшую часть англичан на его южной оконечности, представитель России, ген. Жилинский, высказался за полное очищение Дарданелл, не желая, как он объяснял в телеграмме ген. Алексееву от 10 дек. 1915 г. *„создания постоянного английского поста, нового Гибралтара при выходе в Средиземное море“*. Все члены совещания, очевидно, по тем же соображениям поддержали ген. Жилинского и высказались за полное очищение. Все же англичане решили остаться „якобы для сохранения престижа“, как выразился Жилинский, на оконечности полуострова, южнее Критии и Седиль-Бахра. Но русские, итальянцы и французы не имели сил заставить англичан очистить свои позиции в Дарданеллах, их заставили это сделать немцы. В виду усиления интенсивности огня германской артиллерии, получившей подкрепления, английские войска были сняты почти со всех пунктов южной оконечности Дарданелл, но все-таки небольшой английский отряд был оставлен на мысе Геллесе.

Все приведенные выше документы ясно показывают, в каких невероятно тяжелых условиях, выполняя часто всякого рода „стратегические нелепости“, навязанные ей своекорыстными союзниками, Россия вынуждена была вести войну с грозными врагами. Франко-русский союз был одним из главнейших факторов, вызвавших мировую войну. Вместе с тем этот союз и навязанная России Францией *военная конвенция, представлявшая, с точки зрения интересов успешной обороны русской территории, стратегическую нелепость, были главнейшей причиной страшных поражений, понесенных Россией в кампании 1914—1918 г.* Богатая Франция уже до войны стремилась превратить царскую Россию в свою полуколонию, в выгодное помещение для своего финансового и промышленного капитала. Русскую армию III республика стремилась превратить в такое же слепое орудие в руках французского

генерального штаба, каким являлись для последнего марокские дивизии, чернокожие батальоны, индо-китайские полки, у которых, конечно, не должно было бы быть не только чувства классового самосознания, но даже чувства патриотизма в смысле желания защитить территорию своей собственной страны. Интересы „бессмертной“ Франции, неприкосновенность *ее* территории, от целости которой зависели дивиденды французских ростовщиков,— вот что должны были прежде всего защищать в мировой войне мароккские, алжирские, сенегальские, русские солдаты. И нужно сказать, что вследствие продажности русских царей и пособничества десятка русских генералов—Франция биржевиков в значительной степени достигла своей цели, превратив многомиллионную русскую армию в свою колониальную армию.

Не подлежит сомнению, что в войне один-на-один с Двойственным союзом Россия имела больше шансов выйти победительницей, чем находясь в невыгодном для нее одностороннем союзе с Францией. Мы уже указывали, что *единственный целесообразный план, суливший успех русской армии в борьбе с противниками, имевшими на своей стороне превосходство более быстрой мобилизации и превосходство технического вооружения, заключался не в наступлении против Германии и Австро-Венгрии в самом же начале военных действий, а, наоборот, в применении так называемой скифской тактики, в сосредоточении русской армии в глубине России и в уклонении от решительных битв до окончания мобилизации.* Располагая к началу войны более чем $4^1/_2$ милл. винтовок и значительным запасом артиллерии, имея военную индустрию, которая была способна в одном 1916 г. произвести более 11.000 пулеметов, 1.302.000 новых винтовок и около полутора миллиарда патронов [1]), Россия, несмотря на свою экономическую отсталость и недостатки ее военного механизма, представляла грозного противника, длительная борьба с которым была связана с серьезными опасностями и неожиданностями даже для Германии и Австро-Венгрии вместе взятых, при условии целесообразного с русской стороны плана военных действий.

Мобилизационный план, навязанный русской армии еще до войны и совершенно не считавшийся с медленностью русской мобилизации и условиями русского железнодорожного транспорта, преждевременные активные выступления с самого начала войны и „стратегически нелепые“ переходы в наступление без достаточной подготовки, вызванные необходимостью спешить на помощь французским ростовщикам этим

---

[1]) См. „Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 г.“, часть I составил А. А. Маниковский, стр. 84, 102, 113.

Шейлокам, не желавшим давать ни одной минуты отсрочки должникам в уплате кровавого векселя, подписанного русскими царями, совершенно расшатали военную мощь России и были главнейшей причиной неудач русской армии, вынужденной вести войну, считаясь с обстановкой не на своем, а на чужом, французском фронте.

Военная история не знает другого подобного примера, когда армия одной страны, атакованная сильными врагами, *ведет оборонительную и наступательную кампанию, считаясь с условиями и обстановкой не на своем или хотя бы неприятельском фронте, а на отдаленном фронте „союзника“*, руководящегося в своих наступательных или оборонительных действиях исключительно эгоистическими, своекорыстными целями.

§ 6. Роль русской армии в мировой войне в оценке французских и немецких дипломатов и военных специалистов (Морис Палеолог. ген. Рампон, Бюа, капитан Краузе, Людендорф).

Среди французских книг, посвященных роли России в военных операциях 1914—1918 г. особое место по вызванному им исключительному интересу занимает трехтомное произведение французского посла в России Мориса Палеолога, вышедшее в переводе на русском языке в издании Госуд. издательства [1]).

Книга Мориса Палеолога крайне тенденциозна. Ея основная цель сводится к совершенному умалению роли русской армии в мировой войне и к „ура-патриотическому“ преувеличению боевых заслуг французской армии в победе над Германией. В предшествующих главах, появившихся впервые в печати за долго до того, как нам стала известной работа Мориса Палеолога, мы пытались доказать, что в мировой войне русская армия сыграла роль оттяжного пластыря. Она приняла на себя главные удары австро-венгерской и германской армий, обескровила последние в ряде упорных маневренных боев и этим спасла и Францию, и Англию, и Италию, и Сербию от окончательного разгрома. Наступлением на Восточную Пруссию, стоившим России потери целой армии, Россия спасла Париж в августовские дни 1914 г., мартовским наступлением 1916 г. Россия спасла Верден. Упорными битвами на лодзинском фронте, грозившими прорывом немецкого фронта и полным разгромом Австрии, русская армия заставила Германию прервать битву на Изере, отказаться на полтора года от наступательных действий во Франции и повернуться против

---

[1]) „Военная наука и революция“ книга 2-ая. 1921 г. М. Павлович. Советская Россия и новый Карфаген. стр. 13—58.

нас главными силами. В мировой войне царская Россия явилась для Франции поставщиком пушечного мяса, чем то в роде гигантского Сенегала, который должен был доставлять Франции уже не десятки тысяч, а многие миллионы не черных, а белых рабов.

Может ли французский посол, по мере своих сил, содействовавший закабалению царской России, признать открыто правильность такой точки зрения, может ли он согласиться с тем, что в награду за свои жертвы русская армия за весь период войны ни разу не получила серьезной помощи от союзников,—помощи, которая заставила бы немцев и австрийцев в какой-либо критический для русской армии момент перебросить свои силы с восточного фронта на западный?

Морис Палеолог не был бы „дипломатом", т.-е. представителем той породы людей, которым язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли, если бы он в своей книге, которую так расхваливает французская пресса, не дал нам совершенно фальсифицированной истории мировой войны. Прежде всего, оказывается, что Франция Пуанкаре совершенно не была заинтересована в провокации мировой войны, не желала последней. Франция приняла участие в войне только *по своему благородству*, из дружбы к России и из желания соблюсти условия союзного договора.

В самом деле, вот как Палеолог рассказывает о причинах вмешательства Франции в мировую войну. Воспользовавшись убийством в Сараеве наследника австрийского престола, Австрия пред'явила ультиматум Сербии, мобилизовала свою армию и начала бомбардировать Белград. Тогда царское правительство, под влиянием общественного мнения всей России, заявило, что оно не допустит уничтожения Сербии, и об'явило мобилизацию всей русской армии. В ответ на этот акт русского правительства Германия об'явила России ультиматум о немедленной демобилизации и, в виду отказа России подчиниться этому требованию, об'явила войну России. При таких обстоятельствах *Франция решила выполнить до конца все обязательства союзного договора* и с своей стороны об'явила о всеобщей мобилизации французской армии. На этот акт Германия ответила об'явлением войны.

Поведение Франции было настолько благородным и бескорыстным *во всей этой истории, что все русские министры и сам Николай II* не могли не умиляться перед рыцарским образом действий великой страны. „Я был уверен во Франции", сказал Сазонов Палеологу, когда последний сообщил ему телеграмму Вивиани, заявившего о *решении Франции выполнить все обязательства союзного договора*. А вот что сказал Палеологу Николай II: „Я хотел выразить вам всю свою благодарность,

все свое удивление перед вашей страной. Показав себя столь верным союзником, Франция дала миру незабвенный пример патриотизма и лойяльности. Передайте, прошу вас, правительству республики мою горячую благодарность". В ответ на эти царские слова Палеолог заявил, что правительство республики будет тронуто благодарностью его величества, и подчеркнул, что „*правительство республики действительно заслуживает вполне такой благодарности* за ту решительность и быстроту, с которой оно выполнило свои союзные обязательства".

Итак, главной причиной войны явился конфликт из-за Сербии между Германией и Австрией, с одной стороны, Россией—с другой. Франция оказалась втянутой в эту войну исключительно в силу условий союзного договора, от выполнения которого французское правительство, по своему благородству, конечно, не могло отказаться. К сожалению, Палеолог не рассказывает нам, для чего, собственно, Пуанкаре приезжал в Петроград 20—23 июля, т. е. за несколько дней до начала войны, какие беседы он вел с Николаем II и с Сазоновым, какая программа действий была выработана во время этих переговоров? Кто поверит, что Пуанкаре приезжал в Петроград только для того, чтобы показать русским сановникам, что *президент республики умеет говорить, как настоящий самодержец,* или только для того, чтобы увидеть в столице России сильные рабочие волнения и манифестации, направленные одновременно и против царского и против французского правительств и планов, которые замышлялись последними. Кстати, по поводу этих манифестаций Палеолог притворяется будто он верит словам петербургского градоначальника, сообщившего ему о том, что среди арестованных руководителей этих рабочих манифестаций обнаружено много агентов немецкой контр-разведки.

Для чего Палеологу понадобилось в своей книге, напечатанной в виде дневника, так фальсифицировать историю и в совершенно ложном виде изобразить роль Франции в происхождении мировой войны? С какой целью вмешательство Франции в мировую войну изображается лишь как результат желания французского правительства выполнить обязательства союзного договора с Россией, чтобы не скомпрометировать Францию, как державу, не выполняющую подписанных ею договоров? Непонятно, почему французское правительство при таком уважении к союзным договорам так убеждало итальянское правительство „наплевать" на договор о Тройственном Союзе и об'явить войну и Австрии, и Германии, своим вчерашним союзникам, что, в конце-концов, Италия и сделала.

Автор столько раз в своем дневнике сам повторяет слова о „верности" Франции союзу или вкладывает эти слова в уста русских государственных деятелей, что невольно возникает вопрос: да неужели соблюдение договора, если этот факт имел действительно место со стороны Франции, представляет столь необычайное явление в истории дипломатии, что о нем французскому дипломату чуть ли не на каждой странице дневника нужно напоминать как самому себе, так и потомству? На самом деле, не Франция, этот новый Карфаген, выполняла все условия союзного договора по отношению к своему наемнику, царской России, а как раз наоборот,—последняя слепо подчинялась приказам из Парижа и выполняла все условия военной конвенции, подписанной русскими генералами и крайне невыгодной для России, ибо эта *конвенция заранее обрекала русскую армию на верное поражение* в интересах богатой Франции, осыпавшей золотом царскую династию и царских министров. Что же касается самих обстоятельств, при которых началась война,—несомненно, все дальнейшие шаги царского правительства были предусмотрены во время визита Пуанкаре в Петербург за несколько дней до начала войны, и, ясно, что „Пуанкаре—la guerre" [1]), который, как проболтался Палеолог, умел говорить как настоящий *самодержец*,— действительно вел себя в этот момент, как истый повелитель России, и предписал дальнейшую программу действий. Мобилизация 13 корпусов русской армии и все остальные военные меры, вызвавшие войну,—все это, конечно, было заранее разработано и одобрено Пуанкаре. Все было разыграно, как по нотам, и Палеолог сознательно искажает историю, когда изображает дело так, как будто Франция неожиданно оказалась вовлеченной в войну из-за *русских* интересов.

Та беззастенчивая фальсификация истории, к которой прибегает французский посол, имеет единственной целью оправдать наглые требования, с которыми рыцарская Франция, как бы в награду за ее „верность союзу", обращалась при каждой неудаче на западном фронте к нашему военному командованию, настаивая на немедленном переходе в наступление русских войск. Пользуясь отсутствием всякого искреннего патриотического чувства у царя и некоторых генералов, являвшихся вершителями судеб русской армии в войну 1914—1917 гг., Франция заставляла царское правительство, этого агента французской плутократии, бросать русские войска в преждевременные и совершенно неподготовленные наступления, что влекло за собой иногда бесславную гибель целых армий, но зато спасло союзников от поражения.

---

[1]) „Пуанкаре-война"—прозвище Пуанкаре.

С поразительным цинизмом Палеолог рассказывает, желая, очевидно, подчеркнуть свои великие заслуги перед Францией, как настойчиво требовал он от Сазонова и великого князя Николая Николаевича немедленного перехода в наступление русских армий в начале войны, т.-е., когда лучше вооруженные французские армии отступали перед натиском немцев; с самодовольством описывает, как в беседе 4 августа 1914 г. с великим князем Николаем Николаевичем он прерывает многословные излияния последнего категорическим вопросом: *„Через сколько дней, милостивый государь, вы перейдете в наступление?“* и вырывает обещание у Николая Николаевича бросить русские армии в наступление к 14 августа. Он рассказывает далее, как после неудачной для союзной армии битвы при Шарлеруа, закончившейся немецкой победой, он требовал от Сазонова перехода в наступление русской армии, хотя эта операция грозила последней верной неудачей. Вот как передает Палеолог ответ Сазонова на требования перехода русской армии в наступление: *„Я не забываю, чем мы обязаны Франции.* Равным образом, не забывают этого ни царь, ни великий князь. Следовательно, вы можете быть уверены в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь французской армии..., но с практической точки зрения трудности велики. Генерал Жилинский, командующий северо западным фронтом, находит, *что наступление в Восточной Пруссии осуждено на верную неудачу*, ибо наши войска еще раз'единены, и переброска их наталкивается на многие трудности. Вы знаете, что Мазурская область пересечена многими озерами, лесами и реками. *Начальник штаба, генерал Янушкевич, разделяет мнение Жилинского и решительно высказывается против наступления.* Но генерал-квартирмейстер Данилов утверждает с неменьшей силой, что мы не имеем права оставлять нашего союзника в опасности, и поэтому, несмотря, на *несомненную опасность операции,* мы обязаны атаковать немедленно. Великий князь приказал перейти в наступление и, вероятно, операция уже начата“.

Итак, было очевидно, что наступление на Восточную Пруссию было обречено на верную неудачу. Тем не менее, по приказу преступного царского правительства, продавшего русскую армию иностранному государству, которое, подобно древнему Карфагену, было в состоянии сохранить свое положение велико-державной империи и вести войны с соседями лишь с помощью наемных войск, черных, белых, желтых, 400.000 рабов двинулись в Мазурские болота. Вся эта армия в составе 7 корпусов и 3 кавалерийских дивизий погибла в болотах, после победоносного вначале продвижения, вызвавшего панику в Берлине и заставившего немцев снять

с западного фронта два корпуса для защиты прусских поместий—и, таким образом, ценой крови русских солдат, Париж был спасен.

После французской победы при Марне, выигранной благодаря жертвам русской армии в Восточной Пруссии,—победы, которая скорее может быть названа *русской* победой, чем *французской*, немцы начали медленное отступление к северу, где они заранее подготовили сильные оборонительные позиции. „Если они нас задержат перед этими позициями,—пишет Палеолог,—победа на Марне не будет столь решительна, как можно было бы ожидать". Кто же должен был помочь Франции довершить победу на Марне? Конечно, те самые белые рабы, сотни тысяч которых своим самозакланием в болотах Восточной Пруссии дали возможность одержать победу под стенами Парижа.

„Я не был удивлен,—говорит Палеолог,—получив сегодня утром (14 сент.) телеграмму от Делькассе, в которой он снова поручает мне настаивать перед императорским правительством о немедленном наступлении русских войск против Германии. В Бордо опасаются, что наши союзники, увлеченные своими сравнительно легкими (sic! М. П.) победами в Галиции, не относятся с достаточным вниманием к немецкому фронту, концентрируя все свои силы для открытия пути на Вену".

По получении этой телеграммы Палеолог отправляется к военному министру и, с присущей ему наглостью по отношению к высшим представителям русского командования, ставит категорический вопрос: *Через сколько дней армии районов Немана и Нарева будут способны возобновить движение вперед?*".

Сухомлинов указывает Палеологу на невозможность начать наступление через несколько дней, подчеркивает невозможность допустить теперь какую-нибудь неосторожность, намекая на катастрофу в Восточной Пруссии, напоминает, что для спасения французской армии Россия пожертвовала 110.000 человеческих жизней при Сольдау,—но этот ответ вызывает негодование со стороны Палеолога, и последний насмешливо заявляет военному министру: „Мы не виновны в том, что генерал Артамонов отступил на 20 верст на левом фланге, не предупредив главнокомандующего".

В беседе с Сухомлиновым, Сазоновым и другими представителями царского правительства, Палеолог держит себя как рабовладелец, который купил несколько миллионов русских рабов, одел их в солдатские шинели и имеет право распоряжаться этим пушечным мясом. И в передаче Палеолога тон ответов Сазонова, Сухомлинова и других руководителей царской России таков, как будто бы действительно русская армия является армией французского Сенегала,—колонии, от-

куда Франция набирает свои пресловутые чернокожие ударные полки, три четверти которых погибли, выполняя самые опасные операции против немецкой армии.

Особым цинизмом проникнуты страницы, где Палеолог изливает свое негодование по поводу недостачи снарядов в русской армии, и описывает свои разговоры по этому поводу с Сухомлиновым, Горемыкиным и другими. Здесь он говорит с пафосом человека, которого нагло обокрали. Помилуйте, столько французских денег было ухлопано на русскую армию—и вдруг оказывается, что последняя должна прервать свое наступление на Берлин из-за недостатка снарядов. Конечно, факт казнокрадства, хищений в русской армии не подлежит сомнению; но мы знаем, что снарядов в первый период кампании не хватало и в Англии, и во Франции, несмотря на то, что Америка щедро снабжала обе эти страны всем необходимым вооружением. Колоссальная нехватка вооружения в русской армии об'ясняется, во-первых, слабостью нашей промышленности по сравнению с германской, во вторых, *колоссальной ежемесячной убылью в винтовках, орудиях и снарядах* в результате непрерывных боев. Требуя в самом повелительном тоне через посредство Палеолога от нашего командования безостановочного движения вперед, Франция одновременно решительно отказалась уступить нам некоторое количество винтовок из своих запасов. Очевидно, русская армия хотя-бы с голыми руками должна была прорываться к Берлину, чтобы дать возможность французскому командованию закончить вооружение своей армии, дождаться прибытия английских и американских войск и только затем двинуться в решительный бой при самых выгодных условиях против обессиленных непрерывными сражениями с русской армией немецких войск.

Как исторический документ, об'емистая книга Палеолога не представляет особой ценности: дневник французского посла носит во многих местах явные следы фальсификации, записей под старыми датами мыслей, занесенных на страницы дневника гораздо позже. Палеолог относится с особой ненавистью к Сухомлинову, что, конечно, отнюдь не служит к компрометации последнего, а как раз наоборот. Палеолог не мог простить Сухомлинову того обстоятельства, что последний в беседе с послом Франции позволял себе указывать иногда, правда, очень редко, на страшные потери русской армии, на невозможность *немедленного* перехода в наступление против немцев, и вообще как-будто забывал, что царская Россия является лишь военной колонией Франции и обязана подчиняться беспрекословно приказам метрополии. Однако, следующее место, занесенное в дневник Палеолога под датой 15 ав-

густа, то-есть до начала русского наступления на Восточную Пруссию, явно вставлено в дневник гораздо позже, очевидно, для иллюстрации прозорливости, дальновидности французского посла, его умения угадывать людей при первом взгляде. Вот эти любопытные строки:

„Внушающая сомнение личность—этот генерал Сухомлинов. 65-летний возраст; находится под башмаком жены, довольно красивой и моложе его на 32 года, интеллигентный, ловкий, проныра. Раболепный по отношению к царю, друг Распутина; окруженный канальями, которые служат ему посредниками в его интригах и взяточничестве, потерявший способность к труду и сохраняющий все свои силы для брачных наслаждений, недоверчивый вид и глаза вечно настороже, под тяжелыми и сморщенными веками—таков Сухомлинов. Я знаю немногих людей, которые с первого взгляда внушали бы такое к себе недоверие, как Сухомлинов“...

Эти отрывистые строки, как бы незаконченные и неотделанные, должны свидетельствовать о том, что они писались на скорую руку под впечатлением свидания с Сухомлиновым. Но это только литературный трюк, которым наш дипломат никого не обманет, кроме наивных французских обывателей. На самом деле несомненно, что эти строки написаны после процесса над Сухомлиновым. При всем нашем отрицательном отношении к бывшему царскому министру, в интересах беспристрастия, нужно сказать, между прочим, что те резкие выпады, которыми изобилует книга Палеолога по адресу Сухомлинова, говорят лишь в пользу последнего и заставляют предполагать, что не все преступления, которые вменялись в вину Сухомлинову, могут считаться доказанными. Если судить по книге Палеолога, главное преступление Сухомлинова заключается в том, что этот человек при всей своей продажности, карьеризме и слабоволии никак не мог забыть в иные минуты, что он все же министр русской армии, а не командующий французскими колониальными войсками, обязанный по первому приказу из Парижа бросать свои неподготовленные армии в бой, хотя бы с риском погубить их в неравном бою, с единственной целью дать армиям метрополии возможность выиграть время и выбрать подходящий момент для верной победы...

Первый том мемуаров французского посла в Петрограде Мориса Палеолога в своей основной части, если не говорить о некоторых позднейших фальсификаторских вставках, отмеченных нами в предисловии к указанному тому, был написан в первый период, охватывающий события от 20 июля, дня прибытия в Петроград президента Французской республики, до 31 декабря 1915 года.

То было время, когда царизм чувствовал себя еще всемогущим в России, когда, связанный с французским правительством и французской биржей финансовой цепью и всякого рода военными конвенциями и договорными отношениями, он мог безнаказанно расточать русские военные рессурсы не в интересах обороны самой России, а исключительно в интересах защиты подступов к Парижу и Вердену, согласно приказам французского командования, распоряжавшегося русской армией, как армией какого-нибудь Сенегала.

То было время, когда те немногие русские генералы, которые ясно видели, что армия русская идет к полному разгрому, что весь план ее боевых действий построен сообразно с обстановкой на французском, а отнюдь не на русском театре войны, не осмеливались высказывать своего мнения, когда французский посол чувствовал себя полным хозяином в России и мог обращаться к главнокомандующему всех русских армий, великому князю Николаю Николаевичу, со словами, равносильными боевому приказу: „Через сколько дней, милостивый государь (monsieur), вы перейдете в наступление", мог говорить в таком тоне, не считая для себя даже нужным, сообразно с этикетом, называть великого князя его титулом „ваше высочество", как бы для того, чтобы подчеркнуть этим, что здесь начальник, представитель Французской республики, говорит с своим подчиненным, дядей русского царя, правителя французской колонии, играющей роль поставщика пушечного мяса для современного Карфагена.

Тяжелые поражения, понесенные русской армией в результате неудачного наступления на Восточную Пруссию, предпринятого в целях спасения Парижа в августовские дни 1914 г.; дальнейшие неудачи, вызванные не в малой мере постоянным вмешательством французского командования в военные операции на русском фронте, заставившим Россию отказаться от единственно целесообразного плана военных действий, дававшего шансы в борьбе с Германией; с другой стороны, неудачи англо-франко-бельгийской армии на западном фронте и ее, справедливо вызывавшие усмешки русских генералов, продвижения, в результате успехов, „на пятьдесят метров", наряду с гигантскими военными операциями русских армий [1]); ничтожная помощь союзников России в снабжении вооружением, вместе с беспощадной эксплоатацией русского „пушечного мяса"; рост недовольства войной в широких слоях населения России, усталость от войны, разруха и пр.—все это

[1]) Конечно, с точки зрения Палеолога, русские как бы сознательно преуменьшали значение военного содействия Франции. „Несмотря на все наши усилия,—жалуется он,—путем газет, докладов и кинематографических лент, доказать интенсивность борьбы на западном фронте, ее не доценивают".

постепенно действовало на изменение отношений правящих кругов России и высшего военного командования к союзникам. Вместе с тем простой инстинкт самосохранения, смутное предчувствие надвигающейся грозы заставляли многих приближенных царя задумываться над роковыми последствиями авантюры, в которую втянулась Россия. Таким образом, с одной стороны в верхах начинает зреть мысль о необходимости выхода России из союза и заключения сепаратного мира, с другой—высшее русское командование начинает обнаруживать тенденцию не следовать уже слепо французской указке и вести по возможности самостоятельную линию.

В это время особое влияние на план военных действий на русском театре приобретает новый начальник штаба генерал Алексеев, старавшийся,—до октябрьской революции, после которой он, из ненависти к новому строю, продался Англии и Франции—действовать исключительно как „начальник генерального штаба высшего командования русских войск“ (что ставит ему в упрек Палеолог). Алексеев делал попытки сообразоваться прежде всего с обстановкой на русском театре военных действий, а не на французском, салоникском или румынском, как этого хотелось Палеологу, настаивавшему на полной ломке всего плана, выработанного русским генеральным штабом под влиянием тяжелых уроков войны.

В течение этого периода, описанного во 2-й части мемуаров Палеолога, тон французского посла по отношению к русскому правительству и русскому командованию значительно изменяется. Назначение председателем совета министров Штюрмера, которого считали тайным сторонником сепаратного мира с Германией, отставка генерала Поливанова, с другой стороны—наростающее возмущение народных масс против войны, революционное брожение, проникающее, как констатирует в своих донесениях Палеолог, даже в ряды армии,—все это сбивает спесь с французского посла и заставляет его уже не приказывать или требовать, а настойчиво просить, убеждать и пускать в ход, для приведения в осуществление того или иного плана французского командования по отношению к русской армии, те или другие средства, в которых не было нужды в первый период.

В течение всего этого периода главная задача Палеолога в военном отношении заключалась в том, чтобы побудить русское командование: во-первых—снять с фронта около пяти корпусов, целую армию в 150.000 или 200.000 человек, для переброски на Румынский фронт, во-вторых—переправить во Францию, согласно чудовищному плану французского командования, 400.000 русских рабов для ударных действий, подобно сенегальским неграм, на французской территории.

Для личного воздействия на царя и Алексеева в принятии этого проекта, превращавшего Россию в неприкрытую военную колонию Франции, резервуар ее пушечного мяса, был направлен в Россию „социалист“ Вивиани; на Палеолога же была возложена задача облегчить осуществление этого плана и следить за его выполнением, согласно достигнутым результатам. Ему надо было неустанно внушать русскому правительству и высшему командованию, что судьбы войны и результаты мира будут зависеть прежде всего от решения на французском театре военных действий, что поэтому русским генералам необходимо отрешиться от „эгоистических задних мыслей“, от исключительной заботы о своих собственных операциях, и проникнуться более высоким пониманием союза и, в случае советов французского командования, послать хотя бы пять или шесть корпусов в Молдавию или Валахию, не бояться обнажить русский фронт, памятуя, что только при таком согласованном действии с союзниками Россия будет вполне награждена за все свои жертвы, когда Германия окажется вынужденной согласиться на все условия, которые заставят ее подписать союзники.

Итак, в то время, когда на всем русском фронте было всего 1.200.000 ружей, когда на протяжении от Пинска до Карпат русским войскам приходилось сражаться с 29 немецкими, 40 австрийскими и 2 турецкими дивизиями, когда малейшее ослабление фронта грозило прорывом и перспективой неприятельского наступления в рижском направлении — Жоффр требовал немедленной отправки 200.000 армии в Добруджу и Палеолог энергично поддерживал точку зрения Жоффра перед Штюрмером, доказывая ему, что дело идет о всей политике союза и о самом исходе войны.

Еще более возмутительный характер носило требование посылки во Францию 400.000 русских солдат для образования из них ударных корпусов. Французское командование настаивало на этом требовании, так как сенегальские дивизии были почти уничтожены и необходимо было заменить их соответствующим материалом. По мнению французских генералов и „социалистов“ вроде Вивиани, никто лучше русских солдат не подходил к этой роли.

Надо прибавить к этому, о чем умалчивает Палеолог, что русско-французкие военные конвенции совершенно не предусматривали отправку русских войск во Францию в случае войны. Что же касается румынского фронта, русско-румынская военная конвенция, подписанная 4 (17) августа 1916 года, обязывала Россию (статья третья) „послать во время мобилизации румынской армии в Добруджу две пехотных дивизии

и одну кавалерийскую для совместных действий с румынской армией против болгарской армии".

Следовательно, Россия обязана была отправить на румынский фронт всего три дивизии, а от нее требовали отправки целых пяти или, даже, шести корпусов. Алексеев боролся и против посылки войск во Францию, и против отправки целой армии на румынский фронт.

Надо отдать справедливость генералу Алексееву в том, что он старался поставить не только Палеолога, но и Вивиани на свое место и намекал им на нежелательность их вмешательства в военные вопросы. Когда Вивиани вручил Алексееву письмо Жоффра и на словах передал просьбу последнего о начале русского наступления не позже 10-го июля, генерал Алексеев ответил очень кратко: „Я Вам очень благодарен; я буду обсуждать этот вопрос с генералом Жоффром через генерала Жилинского". Однако, усилия Алексеева обеспечить самостоятельность русской армии не привели к более или менее существенным результатам.

Представителя русского высшего командования при французской главной квартире, генерала Жилинского, Жоффр третировал, попросту, как своего подчиненного. Палеолог умалчивает о том, что когда генерал Жилинский, оскорбленный начальническим тоном Жоффра по отношению к нему, осмелился заявить, что он не французский генерал, а представитель русского императора, Жоффр потребовал от царского правительства немедленного отозвания Жилинского, и это требование было исполнено.

Не имея снарядов, винтовок, тяжелой артиллерии, царская Россия находилась в зависимости от своих союзников, и последние старались выжать „всю кровь из многомиллионной страны". Это было тем более необходимо для союзников, что снабжать особенно щедро русскую армию оружием они не имели желания, предполагая, очевидно, что в России достаточно пушечного мяса, и что когда цивилизованная и высоко кутьтурная Франция теряет одного человека на поле сражения, дикая Россия может потерять десять без ущерба для „цивилизации". Никто лучше не характеризует точку зрения французских ростовщиков и кровопийц на эту сторону вопроса, чем рассуждения Палеолога на эту тему.

Палеолог неоднократно говорит о той помощи оружием, которую союзники оказывали России. Но он ни разу не упоминает о том, *сколько золота* и по какой грабительской цене взяли у нас бескорыстные союзники за доставку нам оружия и снарядов (см. об этом подробно у Маниковского „Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 г.", часть 1-я, стр. 19—23). Равным образом не заикается о том количестве

никуда негодных винтовок и пушек, которые доставляли России ее союзники. Секретная телеграмма военного министра Керенского от 20 июля 1917 года за № 285 начиналась следующими словами:

„Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо в значительной части из брака, так как 35% *не выдержали* двух-дневной умеренной стрельбы“ [1]).

Итак, более трети доставленных России при Керенском орудий не выдерживали и двухдневной стрельбы. Так было и при царизме. Многие орудия приходили в негодность после недельной или двухнедельной стрельбы. И тем не менее союзники вели за собой царскую Россию и Россию Милюкова, Керенского и Чернова, как ручного медведя на цепи.

Как ни отбояривалось высшее русское командование от участия в операциях в Добрудже, однако, уже в сентябре 1916 года пришлось снять с русского фронта целых четыре дивизии и отправить их за Дунай. Но это было только начало. Далее, как отрицательно ни относилось наше командование к посылке во Францию русских солдат, где и без того находились английские, бельгийские, португальские войска и т. д., пришлось сверх бригады, уже отправленной 15 июля в Салоники, послать еще пять бригад по 10.000 человек. Какая трагическая участь постигла наших солдат во Франции, где их хотели превратить в ударные части, на манер сенегальских дивизий, как взбунтовались наши солдаты против третирования их, как пушечного мяса, проданного французской бирже, какие ужасающие репрессии были применены по отношению к русским рабам, это хорошо всем нам известно, но об этом, конечно, Палеолог не заикается ни одним словом в своих мемуарах [2]).

Представитель „великой французской демократии“, оффициальный посол III Республики при царском правительстве, Палеолог являет собой тип самого ярого черносотенца, роялиста до мозга костей, ненавидящего и презирающего все русское оппозиционное движение, стремившееся к ограничению русского самодержавия. Палеолог ярко рисует в своих мемуарах всю гниль царизма, и тем не менее, он всеми силами защищает царизм, убеждает Милюкова, Гучкова, Родзянко и прочих лидеров октябризма и кадетской партии не трогать царизма, этой основы России, „внутренней и незаменимой брони

---

[1]) См. „Сборник секретных документов из Архива бывш. Министерства Иностран. Дел, № 3, стр. 113—114. Издание Народного Комис. Иностр. Дел.

[2]) О русских солдатах во Франции см., между прочим, „Сборник секретных документов из Архива бывшего Министерства Иностранных Дел“ № 1, стр. 14, 15, 16, 17, 18, 19.

русского общества". А когда русская армия отказывается защищать царя и, наоборот, решительно восстает против старого режима, Палеолог не находит слов для выражения своего возмущения поведением войск, особенного гвардейских полков, изменивших своей присяге и верности, не вставших на защиту „священных особ" царя и царицы, и сравнивает позорный образ действия русской гвардии с доблестным поведением наемных швейцарцев, которые перед падением королевской власти во Франции геройски защищали короля и стреляли в народ. Так пишет представитель третьей Республики. Такого черносотенца французское правительство делегировало в Россию, для оффициального представительства Франции. С особенной ненавистью относился Палеолог к русским рабочим. Крайне интересно разоблачение, которое делает Палеолог относительно одной из задач миссии Альберта Тома в России. Оказывается, Альберт Тома убеждал Штюрмера милитаризовать русских рабочих. „Милитаризовать наших рабочих!" — восклицает Штюрмер. — „Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас". *„Так рассуждали летом 1916 года самый ярый представитель социализма и представитель русского самодержавия"*,—комментирует Палеолог беседу между Альбертом Тома и Штюрмером.

Палеолог старается в своих мемуарах подчеркнуть глубокое знание русского общества, русских обычаев, русской литературы, русского народа и т. д. Он кокетничает своим знанием Толстого, Достоевского, Тургенева, пишет о русском театре, искусстве и т. п., но в сущности он ничего не понимал в русской действительности. Насколько этот „знаток" России был недальновиден и туп, видно из его попыток убедить Гучкова и Родзянко не трогать царизма, в крайности— переменить царя, но не посягать на самый институт монархизма. Как будто от Гучкова, Родзянко и Милюкова зависел ход событий в России! Тем не менее мемуары Палеолога представляют крайне ценный материал для характеристики как отношений французского правительства к России, так и той атмосферы, которая царила при дворе, в наших высших кругах и на верхах армии в эпоху мировой войны. Ясно обрисована в мемуарах Палеолога роль Вивиани, Альберта Тома, Думера и других представителей Франции в России; здесь читатель найдет много новых данных.

Мы подчеркнули выше, что в период фактического командования всеми русскими армиями генерала Алексеева и при министерстве Штюрмера Палеолог вынужден был смягчить свой тон французского резидента в подвластной Франции колонии и держал себя довольно осторожно. Но как только царизм пал и власть перешла в руки временного правитель-

ства, представитель Франции совершенно распоясался. Мемуары Палеолога вполне разоблачают ту позорную унизительную роль, которую в качестве министра России играл Милюков, державшийся по отношению к французскому представителю не как министр независимой страны, а как министр марокккского султана или тунисского бея... Палеолог в самом наглом тоне барина по отношению к своему лакею говорит с Милюковым... „Я не могу допустить никакой двусмысленности насчет вашей решимости сохранить ваши союзы и продолжать войну", распекает Палеолог Милюкова. „Мне нужна не надежда, мне нужна уверенность". Палеолог заявляет о своем возмущении выражениями декларации Временного правительства от 20 марта 1917 года: „Не заявлена даже решимость продолжать борьбу до конца, до полной победы. Германия даже не названа. ...Ни малейшего намека на прусский милитаризм. Ни малейшей ссылки на наши цели войны"... кричит Палеолог на Милюкова. Милюков держит себя смущенно. „Милюков слушал меня бледный и смущенный" (стр. 380). В конце концов Милюков смиренно просит французского посла дать ему время, обещая все исправить. Ни в чем отсутствие уважения к своей собственной стране и раболепие лидеров кадетской партии по отношению к иностранному правительству не выразилось так ярко, как в этом позорном поведении Милюкова перед черносотенным представителем Франции.

Само собой разумеется, что Палеологу не хотелось потерять таких верных лакеев, каких он имел в лице Милюкова и К°. Уже по этому одному он доказывал необходимость поддержки Милюкова и умеренного Временного правительства против Керенского. Наоборот, английский посол Бьюкенен и Альбер Тома высказывались за Керенского. Из политики Бьюкенена некоторые наблюдатели делали вывод, будто империалистическая Англия сочувствовала вначале февральской революции, а затем керенщине, и была противницей царизма. На самом деле эта точка зрения ни на чем не основана. Великобритания не желала для России другого режима, кроме гнилого царизма, ослаблявшего могучую 150-миллионную страну, угрожавшую английским владениям на всем Востоке. Но когда в процессе мировой войны обнаружилось что царизм подорвал военную мощь России, а между тем в данный момент помощь России была крайне необходима для победы над Германией, и вместе с тем стало ясно, что крушение царизма близко, Бьюкенен стал заигрывать с кадетами и поддерживать Милюкова и К°. Вся разница между Бьюкененом и Палеологом лишь в том, что Бьюкенен раньше стал на путь поддержки кадетов, а Палеолог позже, хотя

французский посол и был в душе ярым черносотенцем и монархистом.

Когда Бьюкенен заметил, что Милюков и его партия потеряли всякое влияние на ход событий в России, что они совершенно бесполезны для Англии в качестве орудия для борьбы с Германией, естественно, что Бьюкенен стал поддерживать Керенского, как политического деятеля, который, имея влияние на армию, может бросить сотни тысяч русских солдат против немцев и помочь разгрому Германии. Если бы большевики провозгласили на другой день после Октябрьской Революции „лозунг войны до конца“ с Германией, Бьюкенен поддерживал бы и их, сказав себе и другим: „Раньше всего надо закончить задачу, поставленную перед нами мировой войной, а потом мы сумеем силой заставить большевиков отказаться от их программы и введем в России режим какой нам по душе“.

В душе Бьюкенен глубоко презирал Керенского, но считал последнего самым подходящим для данного момента орудием в целях осуществления планов английского империализма. Милюков же рассматривался Бьюкененом, как выжатый лимон, который можно выбросить. На этой же точке зрения стоял и Альбер Тома.

И само собой разумеется, что по отношению к Керенскому Бьюкенен оказался гораздо более дальновидным, чем Палеолог. Зная, что союзники снабжают русскую армию бракованными пушками и никуда негодным оружием, Керенский тем не менее из кожи лез вон, чтобы оправдать доверие высоких покровителей России, английского и французского правительств, и погубил сотни тысяч русских солдат в угоду хищнической Антанте, раз'езжая по всему русскому фронту, произнося воинственные речи, которые с глубоким удовлетворением цитировала вся французская и английская пресса, и побуждая наших генералов к бессмысленным и осужденным на неудачу наступлениям против немецких позиций. Кто следил в эпоху керенщины за английской, французской и бельгийской прессой, тот знает, что в период мировой войны ни великий князь Николай Николаевич, ни генералы Рузский и Алексеев, ни Милюков не удостоились ни одной сотой доли восторженных похвал, выпавших на долю Керенского, в котором союзники долгое время видели самого верного лакея Антанты, самого горячего и преданного сторонника войны до последней капли крови с Германией. Не даром Керенский, пока его влияние в русском правительстве было сильно, являлся буквально кумиром во всех парижских и лондонских салонах. Его портреты украшали кабинеты многих

патриотически настроенных светских дам и дам полусвета, на ряду с портретами Жоффра, Китченера и Фоша.

Но, увы, скоро рабоче-крестьянские массы России и вся русская армия под влиянием большевистской пропаганды раскусили Керенского. Русский народ отказался далее играть роль пушечного мяса в интересах иностранных капиталистов и кучки русских помещиков и фабрикантов, которым продался Керенский.

Союзники в лице Франции проявили по отношению к Керенскому самую черную неблагодарность. Когда Керенский, после своего позорного бегства в результате неудачного похода во главе казачьего отряда на Петроград, эмигрировал во Францию и явился к Клемансо, последний принял его крайне сурово и, по намекам некоторых органов французской прессы, попросту выгнал бывшего русского премьера. Несомненно, этот лакей заслуживал лучшего приема от своего барина, но чего требовать от такого циника, как Клемансо?

Во втором томе мемуаров мы читаем следующие любопытные строки: „Надо в самом деле признаться, что война не имеет больше цели для русского народа. Константинополь, святая София, Золотой Рог? Но никто не думал об этой химере, кроме Милюкова, и то единственно потому, что он историк".

Разве союзники в самом деле имели в виду подарить России Константинополь, разве Англия отдала бы эту важную позицию России? Ведь Константинополь надо было еще взять, и ясно, что при заключении мира прежде всего вошел бы в Дарданеллы английский флот, как оно и случилось в действительности.

В заключение надо сказать, что в некоторых вопросах Палеолог обнаружил большую дальновидность. Так, он считал самым страшным врагом Антанты Ленина, о котором он не один раз упоминает в своих мемуарах.

В своих мемуарах от 18 апреля 1917 года Палеолог заносит следующие строки: „Милюков говорит мне сегодня утром с сияющим видом:—Ленин вчера совершенно провалился в Совете. Он защищает тезисы пацифизма с такой резкостью, с такой бесцеремонностью, с такой бестактностью, что вынужден был замолчать и уйти освистанным... Уж он теперь не оправится.

Я ему отвечаю на русский манер:—Дай бог.

Но я боюсь, что Милюков лишний раз окажется жертвой своего оптимизма. В самом деле, приезд Ленина представляется мне самым опасным испытанием, какому может подвергнуться русская Революция".

Под датой 21 апреля Палеолог снова возвращается к Ленину:

„Когда Милюков недавно уверял меня, что Ленин безнадежно дискредитировал себя перед Советом своим необузданным пораженчеством, он лишний раз был жертвой оптимистических иллюзий. Авторитет Ленина, кажется, наоборот, очень вырос в последнее время. Что не подлежит сомнению, так это то, что он собрал вокруг себя и под своим начальством всех сумасбродов революции; он уже теперь оказывается опасным вождем".

При всей своей тенденциозности, подчистках и т. д., мемуары Палеолога представляют редкий по ценности материал для характеристики как франко-русских отношений в эпоху мировой войны, так и верхов русского общества в их отношениях к Франции и к войне. Вместе с тем мемуары французского посла проливают новый луч света как на роль в России Альберта Тома, Вивиани и др., так и на политику внутреннюю и внешнюю г-д Родзянко, князя Львова, Гучкова, Милюкова и К°. Русскому историку, изучающему эпоху мировой войны, придется не раз пересмотреть книгу Палеолога.

Книга Палеолога интересна для нас не столько тем, что автор хотел сказать в своем патриотическом произведении, а как раз наоборот, именно тем, чего автору не удалось скрыть при всей ловкости своих рук, главным образом, факта самой беспощадной эксплоатации русской армии и всех военных рессурсов России в интересах Франции.

Заметим, что точке зрения Мориса Палеолога на ничтожную роль русской армии в разгроме Германии совершенно противоречат взгляды, высказанные по тому же вопросу многими французскими авторитетами. Так в Бурцевском „Общем Деле" от 5 декабря 1921 г. мы находим изложение лекции, прочитанной в Сорбонне одним из участников французской военной миссии в России в эпоху войны и революции, ген. Рампоном. Вот как генерал Рампон изображает роль русской армии в мировой войне и помощь, оказанную „безропотным" русским солдатом Франции:

„Прежде чем говорить о процессе, в результате которого великая и могучая русская армия рухнула и превратилась в людскую пыль,—сказал лектор,—я хочу напомнить присутствующим, что *Россия спасла Париж в августовские дни 1914 года* и неоднократно, впоследствии своими энергичными диверсиями облегчила тяжелое положение на западном фронте. Пусть не забывают, что к 25 октября 1917 года Россия потеряла убитыми, ранеными и пленными четыре миллиона людей.

Нашим верным союзником был храбрый, безропотный, самоотверженный русский солдат".

Далее „Общее Дело" пишет:

„Долго несмолкаемые громовые аплодисменты прервали надолго оратора". Оговорившись, что он сам солдат, а не политик, генерал Рампон рассказал довольно подробно свои впечатления от русской армии в 1915 и 1916 г.г., а затем в эпоху революции. Среди недостатков фронта при царе лектор отметил отдаленность штабов от фронта, чрезвычайное насыщение тыла мало активным мобилизованным элементом (отношение тыловых чинов к фронту равнялось 12 к 1, т.-е. на 1 бойца было 12 человек в тылу).

„Лектор воздал должное твердой воле в. к. Николая Николаевича, его верности союзникам и общему делу. Принятие главного командования Николаем II на себя было прискорбной ошибкой. Армия сражалась геройски и в эпоху побед, и в эпоху отступлений 1915 года. Положение было спасено мудростью ген. Алексеева.. *В марте 1916 года было тяжело под Верденом, Россия немедленно же стала наступать (к северу от Нарочи) в период ужасающей распутицы.* В июле 1916 года союзники снова потребовали помощи. Россия немедленно же начала наступление в районе Барановичей и Стохода. *Эта операция стоила России до миллиона человек.* В сентябре—октябре 1916 года снова русские оказали помощь западному фронту (союзников) своим наступлением.

Мобилизация 1916 года наполнила тыловые казармы второразрядниками и белобилетчиками. Ими должны были руководить офицеры запаса или же юная молодежь, не имевшая авторитета, вышедшая из школ прапорщиков. В полки посылали офицеров, не соответствовавших духу и традициям полка. В казармах шла революционная пропаганда...".

Свое изложение лекции ген. Рампона „Общее Дело" заканчивает следующими словами:

„Лектор верит в возрождение свободной России, в воссоздание русской армии, в грядущее братство русской и французской армий. Старой русской армии, с ее славными боевыми традициями, он шлет привет друга и союзника".

Из изложения лекции ген. Рампона очевидно, что французским империалистам и их наемным агентам, Бурцеву и проч., в старой русской армии дороже всего была ее „безропотность", ее готовность „лечь костьми", защищая капиталистическую Францию и великодержавные планы последней. Как бы то ни было, по признанию ген. Рампона, русская армия, не останавливаясь ни перед какими жертвами, спасла не только Париж, но и Верден и затем в июле 1916 года положила миллион человек для спасения союзников. И, конечно,

ген. Рампон не мог бы сказать, что же сделала французская армия для спасения русской в критические для последней моменты, ибо в этом случае ему пришлось бы распространяться о том, как несколько раз французская армия продвигалась на 100 или 200 метров вперед, спеша на помощь своему „верному союзнику“, „храброму, безропотному, самоотверженному русскому солдату“.

Любопытно, что не только ген. Рампон, но и многие другие французские генералы, при всей их хвастливости и тенденции чрезмерно преувеличивать заслуги французской армии в разгроме германцев, вынуждены признавать громадную роль русской армии в этом разгроме. Так, генерал Бюа в своей книге „Германская армия в мировой войне“ (ее величие и падение и ее маневрирование по внутренним операционным линиям) подчеркивает, что для борьбы с русской армией „германское командование за восемь месяцев, с конца ноября 1914 года по август 1915 года, перебросило с французского фронта на русский 15 пехотных дивизий старого формирования и 9 кавалерийских. В продолжение всего этого времени на французский фронт было отправлено только две дивизии (и притом в июне и июле—с особой целью). В противоположность этому русский фронт усиливался не только ранее сформированными дивизиями, но получал значительное приращение и за счет вновь формированных дивизий. Для русского фронта было подготовлено 21 новая дивизия“ [1]).

Невольная оценка роли русской армии, которая делается французскими авторитетами, совпадают вполне с признаниями и немецких авторов. Так автор предисловия к немецкому изданию книги Бюа, капитан Краузе, признает, что причиной поражения на Марне была „неожиданно быстрая мобилизация русской армии и переоценка боеспособности австрийской армии, что понудило в дальнейшем к ослаблению германской армии на западе в пользу восточного фронта“.

Более того, в современной военной немецкой литературе мы часто встречаемся с резкой критикой пресловутого плана войны на два фронта, против России и Франции, разработанного начальником главного германского генерального штаба фельдмаршалом графом Шлиффеном в 1906 году.

Основная идея этого плана, безошибочность которого принималась как аксиома в Германии, заключалась в оставлении против России лишь небольшого заслона и *направлении всех сил против западного противника.* По плану Шлиффена, вся тяжесть первоначальной борьбы с русской армией возла-

---

[1]) Цитирую по переводу очерка Бюа, напечатанному в № 6 военного журнала „Армия и Революция“. Харьков. Ноябрь 1921 г.

галась на армию австро-венгерскую, которая при помощи нескольких дивизий, прикрывавших ее левый фланг, должна была перейти в решительное наступление против России. Мы видим, как действительность разбила все эти планы. Русская армия сильным контр-ударом не только отбросила наступавшие австро-венгерские войска за русскую границу, но и вторглась в Восточную Пруссию, заставив немецкое командование, в самый разгар битвы на Марне, не выждав окончательного успеха на западном фронте, снять оттуда два корпуса и направить их в Восточную Пруссию.

Людендорф в своих воспоминаниях о войне 1914—1918 г. ярко подчеркивает каких усилий стоила Германии и Австро-Венгрии борьба с русской армией.

Мы знаем, что не один раз русские войска вторгались в глубину Австро-венгерской империи и угрожали границам самой Германии, в то время, как немецкие войска находились на расстоянии 80—100 километров от Парижа и все „победы" союзников могли заставить германские армии лишь отступить на несколько километров. „С ноября 1914 г. до 1916 г. действия на восточном фронте",—говорит Людендорф—„образовали значительную, даже *решающую* часть войны" [1]). *Не будь русской армии, Париж, Булонь, Калэ были бы взяты и война была бы кончена, раньше чем Англия сумела сформировать свои миллионные армии, а Америка даже подумать о вмешательстве.*

Неудивительно, что в настоящее время многие немецкие военные писатели находят весь план Шлиффена ошибочным в корне. Так, по мнению Клемеля, целесообразнее было бы перевернуть план Шлиффена, а именно: удержать французов заслоном на границах государства, опираясь на сильные укрепления Меца, и в самом начале войны бросить против России не только всю австрийскую армию, но и главные немецкие силы, и, примерно, лишь в октябре обернуться на запад, против французов.

Эти идеи Клемеля являются уже полной „переоценкой ценностей" с точки зрения тех общепринятых истин, которые долгое время считались догмой в германской военной литературе.

Для нас все эти выдержки из немецкой и французской военной литературы, которые можно было бы умножить до бесконечности, важны лишь постольку, поскольку они подтверждают полностью выводы, сделанные нами выше, на основании изучения русских источников.

---

[1]) *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 г., т. I-ый. В. Военный Ред. Совет. Гос. Издат. 1923.

Русская армия, сыграв роль оттяжного пластыря, приняв на себя главные удары австро-венгерской и германской армий, обескровила последние в ряде жестоких маневренных боев и этим спасла и Францию, и Англию, и Италию, и Сербию от окончательного разгрома. В награду за эти жертвы русская армия за весь период войны ни разу не получила серьезной помощи от союзников, помощи, которая заставила бы немцев и австрийцев в какой-либо критический для русской армии момент перебросить свои силы с восточного фронта на запад.

Армия белого Сенегала *безропотно* выполняла свою роль в интересах современного Карфагена и союзников последнего.

Неудивительно, что французские империалисты не могут легко расстаться с мечтой о воссоздании старой, „безропотной“ армии, о грядущем „братстве“ французской и русской армий, вернее о рабстве последней и полном подчинении французскому командованию, чего, конечно, никогда не будет, пока будет существовать Советская власть.

Советская Россия и новый Карфаген.

§ 1. Франция как самый непримиримый враг Советской России. Франция и контр-революционные заговоры в Советской России.

Начиная с момента Октябрьской революции, Франция выступает в качестве самого упорного и злобного врага России. Со времени Карла X Франция не переживала еще полосы столь мрачной реакции, какая воцарилась в этой стране в результате великой освободительной войны 1914—1918 г. г., и таким образом, в борьбе с Советской Россией Париж, „сердце мира", самый „революционный" город в эпоху торжествующего капитализма, стал центром европейского милитаризма и европейской реакции в эпоху надвигающегося торжества нового строя. Франция была душой всех коалиционных войн против революционной России. Благородная роль „мирового жандарма", которая некогда принадлежала царской России, теперь окончательно перешла к республиканской Франции.

Как наиболее типичная в данную эпоху страна ростовщического капитала и экономического консерватизма, страна, уходящего в прошлое экономического порядка, Франция, превратившаяся из когда-то наиболее революционной страны в Европе в самое реакционное государство, не могла примириться с Советской Россией, могущественной не грубой силой, как в прежнее время, а тем грозным и огненным дыханием мировой революции, которым веяло от нового строя, водворившегося в стране царей, вчерашних лакеев французской биржи, от каждого акта Советской власти. Неудивительно, что Франция выступила, как наиболее последовательный противник Советской России. Это вчерашний господин выступал против взбунтовавшихся рабов, это Рим шел походом против армии Спартака, это метрополия поднималась во всеоружии бичей и скорпионов против восставшей колонии, ибо с точки зрения парижской биржи Россия была самой большой и наиболее прибыльной колонией Франции. Это, наконец, современный Карфаген ополчался против армии восставших наемников.

Империалистическая Франция 1917—1922 г. это самый бешеный, самый непримиримый враг Советской России. Чем объяснить эту лютую непримиримость третьей республики по отношению к рабоче-крестьянским массам России? Дело, конечно, не в тех 25 миллиардах франков, уплаты которых требуют от нас французские ростовщики. 25 миллиардов франков это слишком ничтожная сумма по сравнению с нынешним государственным долгом Франции, с ее современным бюджетом, чтобы можно было объяснить политику III республики в русском вопросе одним стремлением Франции добиться от России уплаты царских долгов. Сами по себе эти 25 миллиардов франков не особенно нужны Франции, но они важны прежде всего как средство порабощения Советской России, как своего рода аркан, удавная петля, с помощью которой можно де будет привести великую страну, пробудившуюся к новой жизни, в то же самое состояние рабства по отношению к Франции, в каком Россия находилась в эпоху царизма и керенщины.

До последнего времени истинная роль, которая принадлежала царской России в этом союзе, совершенно не была известна даже самым ярым противникам этого союза. Обычно предполагалось, что в этом двойственном союзе обе стороны выступали как два равных члена с одинаковыми правами и обязанностями. В действительности не было ничего подобного. Документы, на которые мы ссылаемся в предшествующей главе, вполне выясняют истинный характер франко-русского союза и не оставляют никакого сомнения насчет той унизительной роли, которую такая „великая держава", как царская Россия, играла в этом союзе. Вместе с тем эти документы проливают свет на истинные причины той дикой ненависти, какую ростовщическая Франция питает к Советской России. Действительно, ни одно капиталистическое государство не потеряло так много в результате утверждения в России советского строя, как потеряла Франция. Вот почему французский ростовщик вдесятеро больше ненавидит современную Россию, чем ненавидит ее английский или американский капиталист.

В то время, как для капиталистической Англии или Америки царская Россия была прежде всего выгодным рынком для помещения капиталов и товаров, *для империалистической Франции Россия являлась*, кроме того и *прежде всего, поставщиком пушечного мяса, чем-то в роде гигантского Сенегала, который должен был поставлять Франции, в случае мировой войны, уже не десятки тысяч, а многие миллионы не черных, а белых рабов для осуществления великодержавных планов французского империализма.* Уже первая военная конвенция между Россией и

Францией, подписанная в 1892 г., превращала Россию в военную колонию Франции в роде Сенегала: с этого момента русская армия начинает играть роль какой-то наемной армии, слепого орудия в руках французских империалистов, а высшие русские генералы, прежде всего в лице военного министра и начальника русского генерального штаба, превращаются в марионеток французского генерального штаба.

Ясно, какой колоссальный ущерб понесла биржевая Франция с выходом России из орбиты ее влияния, с освобождением 150-миллионного государства из-под французского рабства. Страна с вырождающимся численно населением, вдобавок понесшим непоправимые потери в мировой войне, *современная Франция, подобно древнему Карфагену, в состоянии сохранить свое положение, как великодержавной империи лишь с помощью наемных войск, черных, желтых и белых.* Только недавно французский министр колоний Сарро заявил, что Франция в ближайшем будущем сможет отменить обязательную военную повинность в самой метрополии, так как, согласно новой военной организации, колонии будут доставлять контингент туземцев для трехсот-тысячной армии. Один только Индо-Китай, дававший до войны всего несколько полков для Франции, ныне должен будет давать целую армию наемников. Как заявил генерал-губернатор этой колонии Лонг: „Для осуществления военных задач метрополии на континенте в Средиземном море, Индо-Китай предоставит корпус в 40 тысяч человек“. *Так современная Карфагенская республика налагает иго наемничества на все подвластные ей народы.*

Однако, само собой разумеется, что наемная армия, набранная лишь в заморских колониях, не в состоянии была бы обеспечить великодержавные планы Франции в ее борьбе с такими гигантами, как Великобритания, С. Штаты и побежденной, но все же грозной Германии. Правда, Франции удалось превратить шляхетскую Польшу в новый Сенегал и низвести польских солдат на роль чернокожих наемников, обязанных по первому приказу французского командования итти умирать во славу французской биржи. Но это приобретение слишком слабая компенсация за утерю всей России с ее неистощимым резервуаром пушечного мяса. Вот почему реакционная Франция не сложит своего оружия, не прекратит своих гнусных интриг против России, пока будет существовать Советская власть, вырвавшая многомиллионную страну из-под власти французского капитала, и *пока снова не будет восстановлен старый режим, при котором Россия снова будет продана французским биржевикам и превращена в гигантскую казарму для поставки солдат в распоряжение французского империализма.*

Даже в то время, как Англия и Америка заговаривали с нами о соглашении, о примирении, Франция неизменно выступала против этой политики.

Еще ко времени 8-го съезда среди наших противников начались колебания по вопросу о политике по отношению к Советской России. Представители американского капитала по соглашению с англичанами зондировали почву насчет возможных мирных переговоров. Ц. К. партии, обсуждая этот вопрос, дал директиву линии мира с целью „передышки". Но благодаря французским интригам переговоры о мире были прерваны.

В знаменитых разоблачениях Буллита, появившихся впервые в американской прессе, вполне выясняется роль Франции в неудаче переговоров о мире с большевиками.

Булит знакомит с эпизодами заседаний Верховного Совета 16 и 21 января 1919 года, в которых рассматривался вопрос о мире с большевиками.

16 января Ллойд-Джордж заявил в заседании, что мысль сломить большевиков силой является настоящим безумием; Колчак — монархист, чехо-словаки отказываются за него сражаться; если будет организована экспедиция против большевиков, то в Лондоне появятся Советы. Президент Вильсон присоединился вполне к мнению Ллойд-Джорджа.

21 января англо-американское предложение снова представлено Верховному Совету. Клемансо и Соннино высказались против этого предложения. Произошла весьма драматическая сцена. Клемансо воскликнул: „Разве можно ставить преступников в один ряд с нами?" Однако, вопреки оппозиции Клемансо, было решено, что Вильсон приготовит к следующему дню меморандум. Это был знаменитый меморандум о Принцевых островах. Ллойд-Джордж, желавший первоначально собрать всех русских в Париже, согласился с проектом Вильсона.

Какова же была позиция правительства Франции? Пишон еще более энергично, чем Клемансо, воспротивился предложению и дал знать Украйне и антибольшевистским русским правительствам, что их отказ принять приглашение на Принцевы острова во Франции найдет поддержку.

После неудачи с Принцевыми островами, происшедшей благодаря французской позиции, полковник Гоуз и Лансинг попросили Буллита отправиться в Россию. Перед своим отъездом в Россию Буллит имел заседание с Филиппом Керром, секретарем Ллойд-Джорджа, вручившим ему заметку со своими личными взглядами относительно предложений, которые нужно сделать большевикам. Предложений этих было семь: 1) прекращение враждебных действий; 2) каждое

существующее правительство должно сохранить свои территории; 3) открытие портов и свободного движения по железным дорогам; 4) освобождение задержанных в России союзных граждан; 5) возобновление коммерческих и промышленных отношений; 6) признание Россией ее долгов, и 7) эвакуация России войсками Антанты. И никто другой, как Ллойд-Джордж отправил Буллита на крейсере в Россию.

Буллит приехал в Россию н вступил в переговоры. Едва выехав из России, он уже телеграфировал из Гельсингфорса Ллойд-Джорджу о предложениях Ленина. Прибыв в Париж, он завтракал с Ллойд-Джорджем, генералом Сметсом, сэром Морисом Ханкеем и с Филиппом Керром. На этом именно завтраке Буллит передал Ллойд-Джорджу официальный текст предложений Ленина. Ллойд-Джордж, передавая текст генералу Сметсу, сказал: „Вот, генерал, документ величайшей важности". В тот же самый день Буллит виделся с Бальфуром, который отнесся с полным одобрением к переговорам.

„Неделю спустя,—пишет далее Буллит,—Ллойд-Джордж, которому я собственноручно, в присутствии трех лиц, передал официальный ответ большевиков, произнес в палате общин речь, где он заявил о своей полной неосведомленности об этом деле".

Так повествует Буллит. Комментарии излишни.

В ответ на требования почти всей английской прессы объяснений от Ллойд-Джорджа, последний хранил молчание.

Разоблачения Буллита не возбудили сомнения ни у кого в Соединенных Штатах.

Из речи т. Ленина на съезде Советов, равно как из статьи т. Чичерина в „Известиях" (19 ноября 1919 года № 251), мы знаем, что Буллит действительно приезжал в Москву с поручениями от английского и американского правительства по вопросу об условиях соглашения.

„Великая роль" Франции в качестве „руководительницы" мировой буржуазии в борьбе против Советской России неоднократно с чувством глубокой признательности подчеркивалась всеми врагами рабоче-крестьянской России, как-то Бурцевым, Врангелем, армянскими дашнаками, грузинскими меньшевиками и т. д. Вот что писало тифлисское „Слово" в передовице от 1 октября 1920 года:

„Если первенствующая роль Франции в великой войне и победе над Германией покрыла французскую нацию великой славой и подняла ее национальный дух на необычайную высоту, то *решительная борьба с русской революцией и ее отражениями в Западной Европе* предоставила Французской республике руководящую роль среди европейских государств".

„Дальнейшее сохранение и использование плодов одержанной победы для Франции тесно связано не столько даже с обезоружением и ослаблением Германии, *сколько с подавлением русского революционного пожара, с предупреждением подобных же вспышек в других странах* и с восстановлением России, по возможности, на буржуазно-демократических началах".

„Вот почему Франция, — разъясняет газета, — упорнее и решительнее всех остальных держав Согласия борется с советской Москвой и стоит теперь во главе всех противобольшевистских сил Старого Света".

Франция преследует план окончательно задушить Германию, аннексировать в той или другой форме угольный Рурский бассейн, усилить Польшу в качестве своего орудия на востоке Европы и подчинить своему исключительному влиянию страны центральной и юго-восточной Европы, Венгрию, Чехо-Словакию и Румынию.

Однако, французские империалисты понимают, что пока существует революционная Россия, влияние которой непосредственно сказывается на странах Запада, особенно на Германии, все великодержавные планы Франции в Европе и на Ближнем Востоке покоятся на песке.

Империалистическая Франция кровно заинтересована в разгроме очага мировой революции—Советской России.

Вместо советской России империалистическая Франция хочет видеть буржуазную или монархическую Россию, с которой она могла бы войти в соглашение насчет окончательного уничтожения Германии, Ближнего Востока и ослабления слишком усилившейся Англии.

Союзной с ней монархической России Франция согласилась бы отдать на съедение Польшу, которую она теперь так поддерживает.

В 1917 г. французское правительство предлагало целиком присоединить Польшу к России. Разница в том, что тогда у власти в России стоял не пролетариат, а царь. Об этом эпизоде Керенский в лекции о русской революции, прочитанной им в Лозанне, сообщил следующее:

„Французский представитель в Петербурге в феврале 1917 года (перед революцией) предложил царю поддержать Францию в ее стремлении получить, кроме Эльзас-Лотарингии, Саарский район и левый берег Рейна.

Царские дипломаты согласились, но потребовали взамен согласия Франции на *присоединение всей Польши к России.*

28 февраля, накануне взрыва, Извольский послал товарищу министра иностранных дел Покровскому согласие французского правительства на полную аннексию Польши. Но эта

телеграмма пришла уже в руки временного правительства. 15 марта им была объявлена независимость Польши".

Против Советской России Франция начала непримиримую войны на другой же день после октябрьской революции. Начало этой борьбы выпукло изображено в таком официальном документе, каким является очерк тов. Чичерина „Два года внешней политики Советской России", опубликованный в „Известиях" (№№ 249, 250, 251).

Японская интервенция еще во времена Керенского нависла, как Дамоклов меч, над Россией, как орудие наказания со стороны Антанты. В марте 1918 г. японская печать усиленно подготовляла интервенцию в Сибирь. Между тем Вильсон послал приветствие 4-му съезду Советов, и *14 марта американский посол Френсис заявил в Вологде, что Америка готова поддерживать* Россию в ее борьбе с Германией. В Антанте имелись, таким образом, в этот момент две политические линии, еще не слившиеся в одну: американская дипломатия, а также действовавшая в Советской России часть английской дипломатии стремилась к тому, чтобы вовлечь Советскую Россию в качестве своей союзницы в борьбу с Германией. Часть французских военных симпатизировала этой политике, абсолютно отвергаемой, однако, французским правительством, ни на минуту не отступавшим от безраздельно враждебного отношения к Советской России, которую оно неуклонно стремилось раздавить путем интервенции. Во Францию не был допущен наш чрезвычайный посол т. Каменев, когда в Англии работал тов. Литвинов. В последующие месяцы непрерывно происходила подпольная работа *французских* агентов, в особенности на казачьем юге, в восточной России и в Сибири. Восстановление восточного фронта французская дипломатия неизменно представляла себе в виде интервенции, идущей через труп раздавленной антантовскими державами Советской России. 5 апреля появился японский десант во Владивостоке, за которым последовал и небольшой английский отряд. Это было начало интервенции. 25 апреля Советское правительство потребовало от Англии, Франции и Америки отозвания их консулов во Владивостоке, назначения расследования об их деятельности и выяснения отношения этих держав к контр-революционным выступлениям их агентов в России. Главный заправила последовательной интервенционистской политики, французский *посол Нуланс*, в своем известном интервью 22 апреля самым наглым образом защищал японский десант. 28 апреля Советское правительство потребовало его отозвания, и когда это требование не было исполнено, стало относиться к Нулансу как к частному человеку, совершенно игнорируя его как политического деятеля.

В течение всего мая месяца происходила усиленная работа *французских агентов по сплочению и организации* контр-революционных сил. В это время антисоветские буржуазные партии в России окончательно вступили в тесный союз с Антантой, и конференция социалистов-революционеров приняла известную резолюцию в пользу вооруженной интервенции Антанты в России. В конце мая гроза разразилась: произошел контрреволюционный бунт чехо-словаков, *быстро занявших значительную часть* железнодорожной магистрали в Западной Сибири. 29 мая чехо-словаки восстали в Пензе и Златоусте и заняли вокзал в Сызрани. Почти одновременно произошел ряд контр-революционных восстаний, между прочим в Саратове, что было результатом работы тайных антантовских, в то время, главным образом, *французских, агентов.* Москва была объявлена на военном положении, а 30 мая было опубликовано о раскрытии Всероссийской Чрезвычайной Комиссией контр-революционного заговора „Союза защиты родины и свободы“.

Антанта сбросила маску и демонстративно стала на сторону контр-революции; 4 июня союзные представители (без японского) заявили Народному Комиссариату иностранных дел, что их правительство рассматривает чехо-словацкие отряды, как союзные войска, находящиеся под их покровительством и защитой, и что их разоружение будет считаться недружелюбным актом по отношению к державам Согласия.

29 июня в „Нашем Слове“ появилось интервью с некоторыми антантовскими дипломатами, развивающими целый план интервенции. В тот же день, 29 июня, в курганской газете „Свободная Мысль“ и *омской газете „Дело Сибири“* появилось официальное заявление коменданта Альфонса Гине, начальника французской военной миссии при чехо-словацких войсках, поздравлявшего чехо-словаков за их выступление против Советского правительства: „Еще недавно, — писал он, — французские представители старались соблюдать нормальные отношения с Советскими властями, но теперь эти власти в глазах союзников и цивилизованного мира этого больше не заслуживают“. Он приветствовал восстановление руками чехо-словаков „восточного фронта“ против Германии. Одновременно с убийством Мирбаха произошли восстания в Москве и организованные Савинковым сообща с антантовскими агентами восстания в Ярославле и Муроме. Подкупленный Антантой главком Муравьев изменил и открыл фронт чехо-словакам. Московское восстание имело своим эпилогом восстание в войсковых частях, в особенности в Льгове. Антантовские офицеры и вообще агенты усиленно занимались вербовкой сторонников для присоединения к чехо-

словакам, как и для отправки на Мурманский фронт. Сеть подпольных заговоров разрасталась все больше. Английский план заключался в захвате четырехугольника: Мурманская железная дорога—Архангельск—Званка—Вологда. Особенно обострился вопрос о пребывании антантовских посольств в Вологде, где, пользуясь осторожностью, с которой нам приходилось относиться к их присутствию, уже скоплялись контр-революционные элементы, в особенности сербы, поляки и бывшие царские офицеры. Восстание в Вологде заставило бы нас обстреливать город, при чем наши отряды не различали бы между посольскими зданиями и обыкновенными. Дальнейшее пребывание послов в Вологде было совершенной невозможностью. 19 июля одновременными телеграммами к главнейшим посольствам мы предложили им переехать в Москву, и в тот же день в Вологду был командирован тов. Радек, чтобы добиться соглашения с посольствами об оставлении ими Вологды без скандала. *Душой сопротивления нашим предложениям опять сделался наш главный враг, рассматривавшийся нами как частное лицо, Нуланс.* Посольства категорически отказались переехать в Москву. Но когда 22 июля в самой решительной форме мы им указали на непосредственно подступающую для них опасность, они согласились по-добру, по-здорову уехать в Архангельск.

Все эти официальные данные, опубликованные т. Чичериным, не оставляют сомнения насчет той выдающейся роли, какую Франция играла во всех контр-революционных заговорах в России за первые два года Советской власти. Впрочем, сама французская печать этого не скрывает. Французская газета „Матэн“ от 17 июня 1920 года опубликовала документ, устанавливающий вполне роль французского правительства в вооруженном вмешательстве в дела России. Газета печатает письмо Клемансо от 27 октября 1918 года к генералу Франше д'Эспере, бывшему главнокомандующему союзными армиями на востоке, следующего содержания:

„При сем препровождаю вам письмо, которое в общих чертах излагает план экономического изолирования большевизма в России с целью вызвать его падение. Дело идет сейчас только о проекте, отвечающем видам французского правительства и требующем для его реализации соглашения заинтересованных в этом вопросе держав Антанты. Если будет заключено соглашение по этому вопросу, союзная интервенция в южной России, несомненно, будет находиться в связи с действиями союзных армий на востоке. Наша интервенция дает возможность создать базу в Одессе. Исходя из вышесказанного, я прошу вас изучить вместе с генералом Бертелло возможность выполнения этого предполагаемого

плана выступления в южной России и сообщить мне о результатах ваших исследований, чтобы мы могли разобраться в тех действиях, которые предприняты союзниками в России. Я прилагаю вам при сем копию коллективной ноты постоянных военных представителей при Верховном Военном Совете, в которой в общих чертах изложены деятельность союзников на северо-востоке и юго-востоке России и план взаимной связи. Эта коллективная нота одобрена уже итальянским и французским правительствами и представлена сейчас на рассмотрение британского правительства Клемансо".

В сентябре 1922 г. „Матэн" опубликовала новые разоблачения из истории французской интервенции, напечатав секретные распоряжения Клемансо о предполагавшемся осенью 1918 года походе восточной французской армии на Россию. 27 октября 1918 года французское военное министерство обратилось к главнокомандующему французскими восточными войсками Франше д'Эспере, находившемуся в то время в Салониках, с телеграммой о „необходимости активной борьбы с Советским правительством в целях свержения большевиков". Клемансо сообщал далее, что в главном военном совете союзников велись переговоры об интервенции, и выражал надежду на достижение между союзниками соглашения по этому вопросу". Если соглашение будет достигнуто, телеграфировал Клемансо, союзная интервенция в Южную Россию явится естественным продолжением военных операций, предпринятых союзными армиями на Востоке. При этом Клемансо указал на имеющийся в приложении под № 12913 80/3 план военных операций, предложенный генералом Бертело. В связи с военными операциями в Румынии, заявил далее Клемансо, „интервенция в Россию открыла бы нам новые возможности, а предстоящая капитуляция Турции облегчит занятие Одессы". В приложении Клемансо сообщает план военных действий, уже предпринятых на севере, востоке и юго-востоке России, указывая, что союзникам необходимы эти действия и впредь. На это Франше д'Эспере ответил следующей телеграммой: „Я не располагаю достаточным количеством людей для интервенции в обширную холодную Россию, в особенности в зимнее время. В крайнем случае я мог бы занять Одессу и соседние с ней порты, но должен заявить, что *мои солдаты, не возражавшие против пребывания на Востоке и охотно наступавшие на Венгрию, в предвкушении триумфального вторжения в Германию, вряд ли согласятся участвовать в военных операциях, имеющих целью оккупацию России и Украины. Интервенция в Россию могла бы иметь своим результатом ряд самых серьезных и неблагоприятных для Франции инцидентов*".

Как мы видим, в секретных распоряжениях Клемансо идет речь одновременно о блокаде Советской России и вооруженном выступлении против последней. К блокаде России призывал и главнокомандующий французской армии, „великий полководц“ Фош в своей ноте германскому правительству в октябре 1919 года. Эта нота с требованием об участии Германии в блокаде России была вручена германскому правительству через комиссию по перемирию. Нота гласила:

I. Председателю мирной конференции поручено последней поставить в известность правительства нейтральных стран о решениях, принятых Верховным Советом союзных и дружественных держав по поводу способов экономического воздействия на Советскую Россию. Германскому правительству предлагается принять меры в соответствии с изложенным в п. 2.

1. *Направленное против всех правительств определенно враждебное отношение большевиков и распространяемая ими программа международной революции представляют собою опасность для национального существования решительно всех держав.* Рост силы сопротивления большевиков увеличивает эту опасность, и было бы желательно, чтобы все народы, стремящиеся к восстановлению мира и общественного порядка, об‘единились для борьбы с этой опасностью.

Исходя из этих соображений, *союзные и дружественные державы, несмотря на снятие блокады Германии, все же не позволили последней возобновить торговые сношения с большевистской Россией.* Эти сношения должны были бы фактически происходить при посредстве главарей большевистского правительства, которые использовали бы полученные продукты в своих интересах. Они благодаря этому в значительной степени увеличили бы свои силы, а, следовательно, и свою суровую власть над русским народом. В виду этих обстоятельств, союзные и дружественные державы обратились к правительствам Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексики, Чили, Аргентины, Колумбии и Венецуэлы с просьбой, в согласии с ними, немедленно принять нижеуказанные меры для воспрепятствования подданным этих государств поддерживать какие бы то ни было торговые сношения с большевистской Россией, и для обеспечения неуклонного проведения этой политики:

а. *Ни одному судну, намеревающемуся отправиться к большевикам в какой-либо русский порт, не выдается разрешение на отплытие,* равно как и ни одному судну, идущему из какого бы то ни было из этих портов, не выдается разрешение на прибытие.

б. Такие же меры принимаются по отношению ко всем товарам, предназначенным для доставки в большевистскую Россию по какому-либо другому пути.

в. Лицам, намеревающимся отправиться в большевистскую Россию, равно как и приехать оттуда, надлежит в выдаче паспортов отказывать (за исключением отдельных случаев, с согласия союзных и дружественных держав).

г. Надлежит принять меры к тому, чтобы банки не поддерживали никаких деловых сношений с большевистской Россией.

д. Каждому правительству надлежит отказывать своим подданным в каком бы то ни было содействии при попытке сношения с большевистской Россией, будь то при помощи почты или беспроволочного телеграфа.

Верховный главнокомандующий к этому добавляет „Сообщить германскому правительству, что английские и французские военные суда в Финском заливе будут продолжать блокаду большевистских портов и впредь будут останавливать все попадающиеся им на пути суда, если таковые будут направляться в эти порты“ [1]).

§ 2. Франция и польская авантюра. Коалиция против Советской России.

Франция поставила своей целью создать из Польши сильное в военном отношении, внешне самостоятельное, но в то же время вполне зависимое от французской биржи и французских военных заводов, государство.

Рядом с маленькими прибалтийскими буферами между Россией и Германией, именно Эстонией и Латвией, находившимися в сфере влияния Англии, Франция решила создать

---

[1]) Во время своей поездки по Америке в ноябре 1921 г. Фош пользовался каждым удобным случаем для выпадов против советской России. Так, в одной из своих речей Фош заявил, что большевистская Россия является самым опасным врагом современной цивилизации и угрозой сохранению международного мира, который может де утвердиться только после свержения большевистской власти в России.

Из опубликованного 27 авг. 1923 г. датской коммунистической газетой „Арбейтер Блатед“ секретного отчета банковой комиссии ригсдага, разоблачающего деятельность в 1919 г. ряда датских финансистов во главе с Плюмом и бывшего министра иностранных дел Скавениуса, направленную к подготовке интервенции в России, явствует, что *маршал Фош высказывал свое одобрение плана датского финансиста Плюма,* имевшего тесную связь с Колчаком, Юденичем и Маннергеймом и подготовлявшего интервенцию через Эстонию и Финляндию. Опубликование этого секретного отчета вызвало сенсацию и полиция запретила газете дальнейшее печатание отчета, обвиняя ее в государственной измене. Несмотря на это запрещение, коммунисты, пробравшись ночью в типографию, отпечатали номер „Арбейтер Блатед“ с продолжением отчета.

огромный привислинско-днепровский буфер в лице Польши, которая должна была играть роль наемного кондотьера, сторожевого пса французского капитала, одновременно и против России и против Германии.

Франции необходима была сильная белогвардейская Польша, как единственный верный союзник и против Германии и против Советской России. В течение всего 1918 года и 1919 года Франция лихорадочно формировала, снабжала и снаряжала польские легионы во Франции и спешно направляла их через Германию в Польшу.

Инструкторами в польскую армию назначались французские офицеры и унтер-офицеры как пехоты, так и, главным образом, специальных инженерных войск; в частности, во главе польских эскадрилий, согласно договора между французским правительством и правителями Польши, обязательно должен был стоять французский летчик. Аэропланы, пулеметы, бомбы, снаряды, моторы, обмундирование — все получалось Польшей, главным образом, от Франции. Обучение специалистов, иструкторов, механиков, летчиков, наблюдателей командного состава всех специальностей для польской армии проводилось во Франции спешным порядком. Оставшиеся не у дел после перемирия военные специалисты, из коих одних летчиков насчитыталось свыше 17.000, старались попасть в Польшу, чему французское правительство содействовало назначением двойных и тройных окладов жалованья и всевозможных милостей от польских империалистов („Известия“ 27—V—1920 года).

Из доклада по военному бюджету, представленного французской палате во время военных действий между Россией и Польшей, явствует, что уже в феврале 1920 г. французские кадры в Польше составляли 9 генералов, 28 полковников, 63 батальонных командиров, 196 капитанов, 496 поручиков и подпоручиков и 2120 нижних чинов. Скоро обнаружилось, против кого Франция так вооружала Польшу.

Едва только советская федерация разгромила вооруженные силы внутренней контр-революции, едва только она покончила с Колчаком, Деникиным и другими белогвардейскими генералами, как Франция бросила против Федеративной Социалистической республики шляхетскую Польшу. Польское наступление было целиком затеяно Францией и организовано французским правительством. Польша наступала при помощи войск, организованных французскими военными миссиями и снабженных французским оружием. Вся польская армия была вооружена 75 миллиметровыми пушками, присланными Францией. Кроме того Франция поддерживала Польшу финансовыми рессурсами. Из проекта бюджета Франции на

1922 год, представленного палате депутатов, явствует, что по 30 июля 1921 г. Франция израсходовала авансов на поддержание Французской политики в Польше — 1.082.000.000 франков, т.-е. более миллиарда фр. золотом.

В течение 1919 г. мы вели войну с Польшей без всякого объявления ее как нами, так и белополяками. Война в 1919 г. велась в очень небольшом масштабе. Польша была занята на западе, мы—на юге.

Наше правительство два раза — сначала Наркоминодел 22 декабря 1919 года, затем Совнарком 28 января 1920 года— обращалось к польскому правительству с предложением мира, но последнее не давало никакого ответа на наши предложения. Одновременно поляки начали усиливать свои войска на нашей границе. В середине марта 1920 г. силы польской армии перед нашим западным фронтом равнялись приблизительно 60 тысячам штыков. Эта армия была в изобилии снабжена броневыми машинами, авиационными средствами, пулеметами, легкими и тяжелыми орудиями, полученными в значительной части из Франции. После целого ряда подготовительных действий и мелких стычек польские армии волной хлынули по правобережной Украйне и заняли Житомир и Киев. Это направление наступления польских войск и манифест Пилсудского самым ярким образом раскрыли карты господствующих классов Польши и стоявшей за спиной последней Антанты, главным образом, Франции. Очевидная цель Польши заключалась в овладении Украйной, в чем не в малой мере была заинтересована и Франция, *подписавшая еще при 2-й Украинской республике договор с Петлюрою о передаче всех украинских железных дорог и финансовых предприятий в руки французских капиталистов.* Мы знаем, какую крупную роль иностранный и преимущественно франко-бельгийский капитал играл в эксплоатации нашего Донецкого бассейна.

Подобно тому, как Деникин, отдав свой исторический приказ итти на Москву, не двинулся, однако, прямым путем по направлению к Первопрестольной, а повернул влево на Украйну и стал занимать Екатеринослав, Полтаву, Киев, и шляхетские войска, вместо того, чтобы итти прямым путем через Смоленск на Москву, двинулись, подобно Деникину, на Украйну. Основа этого украинского гипноза, затуманившего разум Деникина и польской шляхты, заключалась, конечно, в интересах западно-европейского, в данном случае прежде всего французского империализма.

Украинская авантюра так же ослабила силы шляхетской армии, как она ослабила армию Деникина, дав возможность красным войскам подтянуть резервы, получить новые подкрепления и перейти в решительное наступление. 4 июля

наши войска перешли в общее наступление на протяжении 110 верст от реки Западной Двины до Березины, прорвали неприятельский фронт на громадном пространстве. С этого момента начинается молниеносное движение наших армий на Варшаву, вызвавшее не меньшую панику в буржуазных кругах Франции, чем самой Польши. 5—7 июля наши армии форсировали Березину. 9 июля был взят Минск, 14—Вильно, 19 июля Гродно и т. д.; 8 августа Красная армия форсировала Западный Буг. Успехи Красных армий были поразительны. В течение месяца наши войска прошли около 500 верст.

Продвижение наших войск к Варшаве вызвало необычайное волнение во всей французской прессе. Можно было вообразить, что повторяется движение немецких войск на Париж. В то время как многие английские буржуазные органы печати проявляли сдержанность в оценке событий, происходивших на польском фронте, французские в один голос вопили о том, что судьба Версальского договора поставлена на карту и что взятие Варшавы скомпрометирует все результаты французских побед над Германией. Решено было притти на помощь Польше всеми находившимися в распоряжении Франции средствами. С одной стороны, началась лихорадочная отправка военного снаряжения Врангелю для усиления его армии и отвлечения части Красных армий от польского фронта, с другой—Франция начала через данцигский коридор интенсивно снабжать Польшу аэропланами, танками, тяжелыми и легкими орудиями и т. д. Верховное командование над польской армией было поручено французскому генералу Вейганту. На него же была возложена ответственность за военные операции. Совершенно правильно французская газета „Ле Раппель“ писала: „Польша ведет войну с Россией при помощи войск, организованных нашими военными миссиями, при помощи оружия, вышедшего из наших фабрик“.

Красная армия была отброшена от Варшавы в значительной степени благодаря той помощи, которую Польша получила от Франции.

После отражения красных войск и польских побед Франция заключила военное соглашение с Польшей. Это соглашение направлено одновременно и против Германии, и против России. Загадочная будущность Германии—с одной стороны, зловещая проблема большевизма—с другой, вот что, по признанию польских и французских газет, вынудило Польшу и Францию к военному соглашению. По заключенному договору Франция обязалась в случае большевистского похода на Польшу оказать последней техническую помощь и доставить военные материалы.

Не ограничиваясь этим, французская дипломатия оказала энергичное содействие заключению военного соглашения между Румынией и Польшей. Этот союз по планам французских стратегов должен был обеспечить на случай войны с Россией безопасность правого фланга Польши. Таким образом, если бы даже данцигский коридор оказался отрезанным, Польша имела бы возможность сообщаться с Западом через Румынию.

Франция поддерживала идею румыского премьера Tako-Ионеско, которую последний развивал во время своего политического путешествия по Европе (ноябрь 1920 г.), в Праге, Париже и т. д., именно идею образования союза пяти государств: Чехо-Словакии, Юго-Славии, Румынии, Польши и Греции, направленного против Советской России. Созданием этой новой коалиции Франция стремилась подготовить почву для новой кампании против России в 1921 г. Далее Франция заключила особую военную конвенцию с Венгрией, согласно которой последняя должна была сформировать особую армию в 150.000 человек. Эта армия вооружалась и экипировалась Францией и поступила в полное ведение верховного французского командования для выступления в нужный момент против Советской России.

§ 3. Французское правительство и Врангель.

Франция энергично поддерживала авантюру Врангеля. Франция снабжала Врангеля финансовыми средствами, оружием, открыла запись добровольцев на врангелевский фронт и отправила до 3.000 офицеров в армию Врангеля. Перекопский перешеек был укреплен при участии французских инженеров и снабжен французскими дальнобойными орудиями. По данным, опубликованным в зарубежной прессе, французское правительство истратило на поддержку Врангеля 180 миллионов франков золотом.

Французская печать утверждала, что Перекопский перешеек укреплен по последнему слову военной техники и никогда не будет взят Красной армией. Сильно вооруженный французский флот крейсировал у берегов Крыма, чтобы помочь Врангелю не допустить высадки красных войск где-нибудь на полуострове. Наконец, когда красные войска прорвались через Перекопский перешеек, врангелевская армия была посажена на французские суда и отвезена в Турцию, где содержалась на французские средства. После разрыва с Врангелем французское правительство официально заявило, что содержание врангелевской армии в Турции обошлось Франции в 200 миллионов франков.

Ни одна из иностранных держав не оказывала такой активной и открытой поддержки Врангелю, как Франция. Французская республика была единственным государством, признавшим правительство Врангеля. В связи с этим признанием газета Эрве „Виктуар“ писала:

„Екатеринослав, Таврическая губерния и Донецкий бассейн—три области, имеющие мировое значение в производстве железной руды, угля и хлеба. *Это старая зона французского влияния, где на развитие промышленности затрачено не мало французских капиталов* (курсив наш. *М. П.*).

Если даже допустить, что приближение зимы помешает продвижению южной армии в Екатеринославскую губернию, две другие области—Таврида и Дон—сами по себе являются с точки зрения экономической не менее ценными, чем вся Польша.

Достаточно вспомнить, что все эти области богаты хлебом, углем, антрацитом и что все эти блага можно ежегодно вывозить в сотнях тысячах тонн.

Вспомним, что до войны Россия вывозила ежегодно во Францию $5^1/_2$ миллионов квинталов хлеба, и что она добывала 33 миллиона тонн угля“.

Еще более ярко, чем подобные статьи, цели, которые преследовала французская буржуазия, поддерживая крымскую авантюру, выясняются из текста соглашения французского правительства с генералом Врангелем, опубликованного в „Дейли Геральд“ в номере от 30 авг. 1920 г. Соглашение это было заключено, когда ставка на Колчака, Юденича и Деникина была окончательно бита, и поэтому Франция, понимая риск операции, поставила такие условия, на которые мог согласиться только такой человек, как Врангель.

Признание долгов с конверсией их на новый заем из $6^1/_2$ годовых сложных процентов с погашением в течение 35 лет—это основной пункт договора. Далее следуют всевозможные гарантии этого долга.

Все железные дороги и таможни Европейской России эксплоатируются Францией. Излишки хлеба Кубани и Украины, $^3/_4$ экспортируемой нефти и бензина, $^1/_4$ добываемого в Донецком бассейне угля—все это должна будет получать Франция, которая прикомандирует к министерствам финансов и промышленности своих наблюдателей-чиновников. Со своей стороны Франция обязуется всеми мерами содействовать свержению Советской власти, а после свержения последней восстановить русскую военную промышленность и обмундировать русскую армию.

Так гласит этот тайный договор, заключенный между французским правительством и бароном Врангелем—последним от лица „восстановленной“ России.

Врангель обязуется:

„1. Признать все обязательства России и ее городов по отношению к Франции с приоритетом и уплатой процентов на проценты.

2. По сведениям Советского Правительства Франция конвентирует все русские долги и новый $6^{1}/_{2}\%$ заем, с частичным годовым погашением, на протяжении 35 лет.

3. Уплата процентов и ежегодного погашения гарантируется: а) передачей Франции права эксплоатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, при чем за исходную точку берется довоенный экспорт; г) предоставлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, при чем в основание кладется добыча довоенного времени; д) передачей четвертой части добытого угля в Донецком районе в течение известного количества лет. Указанный срок будет установлен специальным соглашением, еще не выработанным.

Пункты б, в и д вступают в силу немедленно по занятии войсками ген. Врангеля соответствующих территорий. Суммы, вырученные благодаря экспорту сырья, имеют быть использованы для уплаты процентов по старым долгам.

4. При русских министерствах финансов, торговли и промышленности в будущем учреждаются официальные французские финансовые и коммерческие канцелярии, права которых должны быть установлены специальным договором.

5. Франция берет на себя задачу восстановления русских оружейных и снарядных заводов, при чем в первую очередь вооружается новая армия. Франция и Россия заключают наступательный и оборонительный союз сроком на 20 лет.

Таким образом, согласно тексту договора, будущая „великая, неделимая Россия“ должна была, в случае победы Врангеля, превратиться в колонию французского капитала и потерять даже ту тень независимости, какую она имела при царях [1]).

---

[1]) Опубликование этого документа вызвало сильное смущение среди некоторой части наших эмигрантов, которые охотно брали на себя роль агентов иностранных правительств, добровольно несли обязанности польских шпионов во время нашей войны с Польшей (см. *Гуровича*. Записки эмигранта. Изд. „Петроград“. 1923 г.), но все же разыгрывали из себя „патриотов“. Понятно, эти патриоты, продававшие Россию оптом и в розницу иностранным захватчикам, притворялись, будто они не верят в подлинность приведенного выше документа. См. об этом „Антанта и Врангель“, сборник статей. Часть 1-ая. Гос. Издательство. 1923 г., стр. 25—26.

После признания ген. Врангеля Францией последняя командировала в Севастополь верховного комиссара, графа де-Мартель и облекла его широкими полномочиями. Немедленно по прибытии в Севастополь Мартель попросил устроить для него парад войск, на котором он обратился с речью к казакам, убеждая последних бороться до последней капли крови с большевиками и обещая могущественную помощь со стороны Франции. В своей речи представитель Франции сказал между прочим: „Франция никогда не мирилась с большевизмом. Всегда она была во главе всемирного противобольшевистского движения"... Свою речь Мартель закончил уверением, что *Франция не пожалеет никаких усилий*, чтобы помочь успешной борьбе с большевизмом *до конца*.

§ 4. Империалистические планы Франции на Востоке и Советская Россия.

Мы уже останавливались на восточной политике Франции в нашей работе „Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал" (см. главу первую „Борьба за Восток"). Для Франции, равно как и для Англии, утверждение Советской власти в России равносильно крушению империалистических планов на Востоке и прежде всего в Малой Азии. „В борьбе против мусульманского мира,—писал „Temps", официальный орган французского правительства,—идет война не только с турецкими националистами: с арабами или, наконец, персами. Это прежде всего война с Советской Россией".

„Франция является средиземной державой,—заявил на заседании сената от 9 декабря 1920 г. сенатор Лейг,—ось ее политики лежит в Средиземном море, и в случае умаления ее роли ее престижу был бы нанесен серьезный удар. Но Франция не может ограничиться бассейном этого моря. Поэтому правительство требовало включения во французскую зону влияния Сирии и Александретты, которая лет через тридцать превратится в один из самых цветущих портов Средиземного моря".

Однако, французские империалисты понимали, что пока Советская власть крепка в России, все французские планы раздела Турции построены на песке.

В конце концов, французские дипломаты пришли к мысли войти в соглашение с турецкими националистами, сделав им некоторые уступки в Азии и на Балканах за счет Греции, и, посулив им территории на Кавказе, направить их против Советской России.

„Турецкая армия,—писал Эрве в своей газете „Виктуар" (от 18 февраля 1921 года),—отразит большевизм во всей

Турции и для начала освободит нефтеносные местности Баку“. Создавая эти планы, Франция рассчитывала на поддержку дашнакцутюнской Армении и меньшевистской Грузии. Вот как английская газеса „Nation“ от 17 ноября 1920 г. характеризует цели французской политики в Турции, задачи, которые преследует Франция, заигрывая с кемалистами и отказываясь от поддержки империалистических планов Греции—орудия Англии на Ближнем Востоке.

„И Франция и Англия стремятся лишь к одному: *взять в свои руки контроль над Константинополем и проливами.* Наш план (английский) состоит в том, чтобы овладеть проливами, раздавив турок. Французы хотят захватить все в свои руки, пустив в ход дружбу с Кемалем. Французы готовы предложить туркам деньги и территории, преимущественно греческие. Стоит только пересмотреть Севрский договор, вернуть Турции Смирну и Фракию, и Кемаль, по всей вероятности, порвет с Россией. Во всяком случае, у французов положительная политика, Англия же оперирует одними отрицаниями“.

„Мы бы не могли найти ни одного слова в защиту британской политики в Турции. От начала до конца политика эта была вдохновлена экономическими и стратегическими стимулами империализма. Эта политика обманула человечество в лице армян, причинила несправедливость Турции и задушила Индию. И все же в условиях нынешнего кризиса политика Франции представляет гораздо большую опасность. В противоположность нашей, она логична и хорошо продумана. *По телу Турции Франция хочет пробраться в Россию.* Она права, приписывая такое значение Турции в этом деле. Пусть ей удастся овладеть ею,—завоевание Кавказа будет легким делом. Спасите армян,—и вторым шагом вы обеспечите себе бакинскую нефть. Вместе с тем, потеря этого топлива вновь доведет налаживающийся русский транспорт до хаотического состояния. Тогда вам остается вернуть вашего Врангеля в Крым, и если вы сможете воскресить обстановку 1854 г., послав ему в тыл некоторое количество турок,—тем лучше для вас. Это—наиболее остроумная из всех комбинаций последнего времени, и дополнить ее можно субсидированным переворотом в Варшаве, который вновь отдаст Польшу в полное распоряжение Франции. И тогда поляки смогут возобновить свою войну“.

„Все эти наши рассуждения базируются на точных фактах. Не успели еще последние врангелевские беженцы подвергнуться карантину в Турции из опасения тифа и оспы, как французы уже приступили к реорганизации армии Врангеля.

Они решили под эгидой Лиги Нации и на глазах международного контроля использовать Константинополь как базу ближайшей войны с Россией.

Они охвачены всецело этой идеей и не ждут ни откуда сопротивления. *Их восточная политика*, в сущности еще более безумная, чем наша, представляет собой не что иное, как новую фазу их антирусской политики".

Само собой разумеется, что, соглашаясь уступить Турции территории последней, занятые греками, французские империалисты не намерены отказаться от своих притязаний на Киликию и Сирию. В этом заключается ахиллесова пята хитроумного французского плана использовать Турцию в качестве орудия против Советской России, и вот почему можно быть уверенным, что французская политика на Востоке сулит в конечном счете Франции такие же разочарования, как и Англии политика последней.

§ 5. Франция и царские займы.

Многие органы нашей советской печати совершенно неправильно об'ясняли мотивы непримиримой борьбы французской буржуазии с Советской Россией, доказывая, будто этой борьбой Франция преследует как основную цель—возврат миллиардов, которые французская биржа ссудила царской России, и процентов по этим займам. По подсчетам французского сенатора де-Монзи, произведенным им в 1920 году, общая сумма французских вкладов в России достигает 25 миллиардов франков [1]). Как ни велика эта сумма, она не в состоянии об'яснить тех материальных жертв, которые принесла и приносит Франция в борьбе с Советской Россией. Притом, если эти суммы имели большое значение для Франции довоенной эпохи, как ежегодный бюджет республики равнялся 5 миллиардам, а весь государственный долг—30 миллиардам, что могла значить цифра в 25 миллиардов франков в 1920 году, когда государственный долг Франции, в связи с колоссальными расходами на мировую войну и ее последствиями, определялся в 266 миллиардов франков, когда один только расходный бюджет 1920 года достигал слишком 50 миллиардов франков. Из доклада, представленного французской палате

---

[1]) Русских займов помещено было во Франции миллиардов на 18, считая и гарантированные железно-дорожные займы. Сюда в счет не входят займы городские и другие второстепенные. Затем идет категория долгов России французской казне. По 30 июля 1921 г. счет России по авансам с французской казны—звонкой монетой, ценными бумагами, кредитами бухгалтерскими и т. д., а также материалом: царскому правительству 5.275.000.000, различным последующим русским правительствам 480.000.000 фр.

4 ноября 1921 г. от имени финансовой комиссии, явствует, что к 1 октября 1921 г. весь государственной долг Франции (внутренние и внешние обязательства) определялся уже в 327 миллиардов 867 миллионов фр. Уплата одних процентов по этому долгу потребует, по вычислению докладчика, ежегодно около 13 миллиардов фр.

По отношению к Советской России, французская буржуазная пресса ставит вопрос о признании России в первую голову в зависимости от признания нами царских долгов и признания обязательства возместить французским гражданам все убытки, понесенные ими в результате революции.

В какой сумме могут быть выражены претензии Франции?

Государственные займы иностранных держав России или займы, гарантированные иностранными державами, определялись к 1914 году в 12 миллиардов рублей или 33 миллиарда франков. Какая доля из этой суммы приходится Франции? Французские источники дают на этот счет разноречивые сведения. Так, по вычислениям Леона Мартина, секретаря комиссии по защите французских интересов в России, государственные и гарантированные государством русские долги Франции равняются 11 миллиардам франков.

По вычислениям „бюро имуществ и интересов частных лиц в России" (Office de biens et intérêts privès), основывающимся на заявлениях владельцев русских бумаг, сделанных на основании декрета от 18 сентября 1918 года, государственный долг России не превышает 9 миллиардов франков. По вычислениям Монзи, который основывается на явно тенденциозных данных французского министерства иностранных дел, государственный долг России равняется 16 миллиардам франков. Итак, мы видим, что французские исследователи вопроса дают нам такие три значительно расходящиеся цифры, как 9 миллиардов, 11 миллиардов и 16 миллиардов франков.

К этим цифрам иногда прибавляется около 400 миллионов франков городских займов, не гарантированных государством.

Что касается французских капиталов, вложенных в русскую промышленность, в Донецкий бассейн, в московские фабрики и т. д.—по французским вычислениям, сумма капиталов, вложенных во французские промышленные и банковые предприятия в России определяется в 620 миллионов франков, а номинальная ценность акций, принадлежащих французским капиталистам в русских предприятиях, определяется в 1 миллиард 55 миллионов франков, итого 1 миллиард 675 миллионов франков. *Роль французского капитала в русской промышленности не была так велика, как думают многие.*

Что касается частного французского движимого и недвижимого имущества в России, товаров, векселей и пр.—по вычислениям Жоржа Бонне убытки, понесенные частными французскими гражданами в результате конфискаций, реквизиций и т. д. их имуществ советским правительством, равняются приблизительно 6 миллиардам 400 миллионам франков.

Наконец, в период мировой войны союзники ссудили России на 35 миллиардов рублей вооружения, аммуниции и т. д. По вычислениям французских шейлоков из этой суммы на долю Франции приходится 1 миллиард 500 миллионов рублей. Правда, Россия затратила гораздо более той суммы, которую она получила от всех союзников вместе взятых на защиту их дела, и потеряла четыре миллиона человек, защищая Париж и Верден, но это обстоятельство не в состоянии заставить отказаться от своих претензий французских ростовщиков, решивших удивить весь мир своей черной неблагодарностью по отношению к России.

Таким образом к началу мировой войны Франция вложила в Россию по французским же вычислениям от 9 до 16 миллиардов государственных или гарантированных государством займов, $1^1/_2$ миллиарда франков в промышленные и банковые предприятия в России и 7 миллиардов франков в частное движимое и недвижимое имущество, товары и т. д. Во всех этих суммах, по французским официальным данным, заинтересовано 1.700.000 французских граждан, которые в той или другой форме вложили свои капиталы в России.

Итак, сумма русских долгов Франции колеблется по французским выкладкам, несомненно преувеличенным, между цифрами 17 и 23 миллиарда франков. Эти цифры сами по себе не в состоянии об'яснить той упорной борьбы, которую Франция ведет до сих пор с Советской Россией.

Требование уплаты прежних долгов и процентов по ним является лишь предлогом в руках французских дипломатов для пред'явления других, более серьезных претензий по адресу Советской России. Когда тов. Каменев во время своего пребывания в Лондоне сделал официальное предложение признать русский долг Франции и заявил о готовности Советского правительства вести переговоры об этом в Париже, известная газета „Матэн“ писала об этом предложении следующее: „Несомненно, Каменев хочет этим путем привлечь к России симпатии всех держателей русских государственных бумаг. Но те, кто будет вести переговоры с Каменевым от имени Франции, должны потребовать гарантий, ибо, если непризнанные долги не оплачиваются, то признать долг еще не значит его оплатить. Прежде всего, надо убедиться, *согласно ли будет Советское правительство признать право французов*

на сеть русских железных дорог... Нам нужны гарантии. И разве не является первой из этих гарантий железнодорожная сеть, на которую мы имеем преимущественное право залога".

Итак, мы видим, что французская буржуазия желала бы снова превратить Россию в свою колонию и взять под свой контроль наши железные дороги, чтобы затем овладеть нашими угольными копями, железными рудниками и т. д.

Французским капиталистам не очень нравятся те условия, на которых советская Россия предполагает отдавать концессии европейским и американским капиталистам. Французские промышленники и финансисты привыкли работать в России на *льготных* условиях и, пользуясь зависимостью царской России от французской биржи, извлекать все выгоды из такого привилегированного положения. Французская буржуазия подчеркивает теперь необходимость уплаты всего долга полностью с процентами, зная, что советской России трудно при данной экономической разрухе выплатить этот долг. И французские дипломаты требуют русского золота и уплаты по старым займам, которые были даны французскими Шейлоками и пошли, в действительности, не на предмет хозяйственного укрепления России, а на сооружение стратегических железных дорог и привислинских крепостей, лишь для того, чтобы поставить этим требованием колено на грудь советской России, добиться от последней особых привилегий для французских концессионеров. Само собой разумеется, что Советская власть на этот шантаж не пойдет, и в тот момент, когда помимо Англии и другие капиталистические государства, не в интересах которых поощрять французские претензии, подпишут с нами торговые соглашения, упрямство французских Шейлоков будет сломлено, и Франция пойдет с нами на соглашение. Если же французские капиталисты будут настаивать на своих требованиях, советская Россия должна будет предъявить встречный иск и потребовать возмещения тех колоссальных расходов и материальных жертв, которые понесла Россия в результате гражданской войны, провоцированной Францией. Ущерб, понесенный Россией вследствие этой гражданской войны и блокады, разрушения тысяч железнодорожных мостов и зданий, гибели сотен тысяч людей от пуль, болезней и голода, настолько велик, что их не возместить капиталистической Франции одним отказом от прежних долговых обязательств царской России к буржуазной республике.

Лучшим доказательством, подтверждающим изложенную выше точку зрения на отношение французского правительства к вопросу о русских долгах, служит тот факт, что когда наш Народный Комиссариат иностранных дел в известной ноте Чичерина, адресованной 28 октября 1921 г. правительствам

Великобритании, Франции, Италии, Японии и С. Штатов, заявил о согласии советского правительства признать долги прежних русских правительств, капиталистическая Франция не выразила никакой радости по поводу этой ноты, французское правительство даже не ответило на декларацию и готовности советской России уплатить довоенные долги. Вместо ответа на эту декларацию Бриан на заседании Вашингтонской конференции, объясняя причины, по которым Франция не может де разоружиться, неожиданно заявил, что $1^1/_2$ года тому назад Франция спасла Польшу и Западную Европу от русской красной армии, которая номинально состоит из $1^1/_2$ милл. человек, а в действительности же насчитывает 6 миллионов и *в любой день может начать новое наступление* против Европы. Вот почему,—сказал Бриан, — для Франции разоружение невозможно.

Таков был ответ Франции на ноту о признании долгов.

Французская республика и голод в России.

Враждебное отношение буржуазной Франции к советской России выразилось в особенно циничной форме во время страшного голода, поразившего наши поволжские губернии. Прежде всего французское правительство решило воспользоваться тяжким бедствием, постигшим Россию, для возобновления интервенции. С этой целью французское правительство начало концентрировать большое количество войск в Верхней Силезии, стремясь превратить последнюю в базу для военных операций против Советской России. Французское правительство надеялось, что ему удастся сконцентрировать в Верхней Силезии войска, организовав здесь штаб, устроив склады снаряжения и т. д., без особого труда двинуть Польшу и другие окраинные государства в поход против Советской России.

Именно с того момента, как появились первые известия о бедствии, поразившем Россию, французское правительство начало с особым усердием снабжать Польшу и Румынию военным снаряжением, и в обоих этих государствах белогвардейские банды, руководимые Савинковым и Петлюрой, начали проявлять усиленную активность у советских границ, совершая постоянные вторжения в пределы советских республик, всячески вредя сбору урожая в наиболее хлебных местностях этих республик и тем самым способствуя обострению голодного бедствия.

Чтобы помешать частичным действиям отдельных гуманитарных организаций в пользу России, французское правительство выдвинуло лозунг необходимости концентрации дела помощи в одних руках. С этой целью была организована „Международная комиссия по оказанию помощи России". В состав этой комиссии вошел, между прочим, *представитель Японии, которая в этот момент вела самую активную вооруженную интервенционистскую политику на наших окраинах* и поддерживала своими войсками контр-революционные группы, захватившие при ее помощи власть во Владивостоке и других пунктах Дальнего Востока. Председателем же „Международной комиссии помощи России" был назначен Нуланс, бывший французский посол России, вдохновитель белогвардейских

заговоров против советской России, виновник бойни и разрушения Ярославля, организатор восстания чехо-словацких полков против Советской власти, один из главных руководителей той самой системы блокады, которая явилась основной причиной нищеты и разорения, приведших Россию к неслыханному бедствию голода 1921 г. Назначение этого бешеного врага Советской власти на пост председателя международной комиссии помощи голодающим в России ясно показывало, что французское правительство намерено использовать дело „помощи голодающим" с целью контр-революционной агитации, поддержки внутренней белогвардейщины и свержения Советской власти. Под предлогом необходимости для помощи России „предварительного изучения на месте размеров нужд и способов к наиболее быстрому и наиболее действительному их удовлетворению", комиссия Нуланса решила организовать открыто в советской России целую систему шпионажа на предмет изучения всех рессурсов страны, с целью тем вернее нащупать все слабые стороны в нашей организации и определить силу сопротивления страны в случае новой интервенции. С поразительным бесстыдством фанатический и бесчестный враг Советской власти, поджигатель мостов и вокзалов, Нуланс в своей радиотелеграмме народному комиссару по иностранным делам указывал на необходимость, прежде чем притти на помощь, изучить на месте, в числе других вопросов, „общее состояние сухопутного и водного транспорта и, в частности, состояние путей, связывающих местности, обладающие излишком запасов с пораженными голодом районами, а также портов, открывающих доступ внутрь страны" (§ 6).

Ясно, какие ценные сведения могли бы предоставить французскому, польскому и румынскому генеральному штабам, а также штабам всех других враждебных Советской России государств, для организации успешного похода против последней „эксперты", уполномоченные изучить на месте вопросы, относящиеся хотя бы к одному лишь шестому пункту.

Радиотелеграмма Нуланса настолько интересна для характеристики тех целей, которые преследовала „Международная комиссия помощи голодающим", что мы считаем необходимым привести ее целиком:

„Радиотелеграмма председателя международной комиссии по оказанию помощи России, Нуланса, народному комиссару по иностранным делам Р. С. Ф. С. Р., 4 сентября 1921 г.

„Комиссия, назначенная исключительно Верховным Советом для изучения и изыскания способов оказания помощи русскому народу, ставшему жертвой голода и эпидемий, и поставившая себе гуманитарную цель организации действительной помощи, единогласно решила, что для выполнения

задачи необходимо отправить в Россию подкомиссию экспертов, уполномоченных произвести на месте быстрое и подробное обследование размеров нужд и способов к наиболее быстрому и наиболее действительному их удовлетворению. Вследствие этого комиссия решила обратиться к Советскому правительству с тем, чтобы оно предоставило комиссии, состав и круг деятельности которой уже определены, все необходимые условия для производства обследования, о результатах которого должен быть сделан отчет в самом срочном порядке. Сведения, которыми располагает комиссия, дают ей возможность предположить, что эксперты сумеют произвести обследования весьма быстро, если они отправятся сначала в Новороссийск или Ростов, затем через постигнутые голодом местности—в Москву. Комиссия не сомневается в согласии Советского правительства на ее предложения. Эксперты будут готовы к немедленному отъезду в Россию, как только Советское правительство даст свое согласие на это предложение и представит гарантии, что экспертам будут обеспечены льготы, необходимые для производства ими обследования. В анкетную подкомиссию войдут около тридцати лиц от пяти держав, представленных в международной комиссии, опытных в деле борьбы с голодом и компетентных в вопросах транспорта и медицинской помощи и сельского хозяйства. Кроме того, в их составе имеется администратор Красного Креста и переводчик. Имена их будут сообщены позднее.

„Цель их определена в нижеследующем меморандуме, где перечисляются подлежащие изучению вопросы: 1) границы и размеры постигнутой голодом территории и численность голодающего населения; 2) настоящие и возможные в будущем размеры эмиграции жителей, гонимых голодом; 3) распространение и возможное развитие эпидемических заболеваний; 4) мероприятия, необходимые для засева полей в текущем и будущем году в постигнутых голодом районах; 5) размеры и местонахождение запасов продовольствия и свободных излишков урожая, которые можно направить в голодающие местности, а также количество убойного скота; 6) общее состояние сухопутного и водного транспорта и, в частности, состояние путей, связывающих местности, обладающие излишком запасов, с пораженными голодом районами, а также портов, открывающих доступ внутрь страны, потери в рабочем скоте, наличие перевозочных средств и запасов фуража; 7) меры, принятые Советским правительством для разрешения перечисленных выше проблем, и организации, существующие и создаваемые для выполнения нижеследующих задач: а) сбора зерна в местностях, обладающих излишками; б) распреде-

ления продовольствия и различных семян в постигнутых голодом местностях; в) медицинской помощи лицам, заболевающим на почве недоедания и эпидемии, предупредительных мер борьбы с эпидемиями, особого попечения о детях и восстановления сельского хозяйства в постигнутых голодом местностях, продовольствия и предметов первой необходимости внутри страны и обмена продуктов; г) принятия мер для организации усиления снабжения наиболее необходимыми продуктами и сельско-хозяйственными орудиями, а также определения районов, где они должны распределяться; д) исследование возможности снабжения извне по-районно. Данные подкомиссии экспертов вышеперечисленные в инструкции, могут быть выполнены только в том случае, если Советское правительство представит ее членам полную возможность совершать поездки в местности, которые они должны посетить, если местным властям будет предложено давать ей все нужные сведения и оказывать содействие, необходимое для успешного выполнения предпринимаемого дела.

Нуланс".

На эту радиотелеграмму народный комиссар ответил обстоятельной нотой правительствам Англии, Франции, Италии и Бельгии.

В этой ноте народный комиссар дает подробную характеристику деятельности Нуланса, указывает, что уже „самое имя Нуланса, как представителя Франции в международной комиссии помощи голодающим, а вслед затем как председателя этой комиссии, возбудило во всей России, среди самых широких слоев трудящегося населения, взрыв негодования. Трудящиеся России не забыли имени того, кто был одним из самых злостных и коварных врагов их во время борьбы не на жизнь, а на смерть, которую они вели против контрреволюции и иностранного вмешательства".

Нота указывает, что комиссия Нуланса отнюдь не думает заняться помощью голодающим, что вместо такой помощи она хочет заняться обширным и детальным расследованием всего внутреннего состояния России, при чем это расследование должно делаться под руководством тех людей, которые уже занимались этим изучением в *ничем неприкрытых целях устройства мятежей и облегчения продвижения иностранных армий на территории Советской республики.*

Голод и страдания трудящихся России оказались поводом для этой комиссии, чтобы попытаться узнать, какими силами и средствами располагает Советское правительство. Словно издеваясь над миллионами погибающих от голода крестьян восточных русских губерний и демонстрируя перед всем ми-

ром свое глубочайшее невежество, комиссия Нуланса хочет заняться изучением условий и возможности обсеменения в тот момент, когда самый период обсеменения уже пришел к концу и когда сами трудящиеся массы России, под руководством Советского правительства, ценою нечеловеческих усилий, уже добились значительных успехов в области обсеменения громадных, лишенных хлеба неурожайных районов. В то время, когда десятки миллионов уже лишены всякого пропитания и массами умирают с голода, комиссия Нуланса предлагает вместо хлеба собирание сведений о состоянии России.

„Все сведения, однако, нужные для оказания помощи, легко получить в любой момент, не отрываясь от непосредственной работы доставления помощи голодающим. Это отлично понимают и американское общество помощи, и верховный комиссар Нансен. Они вели переговоры с российским правительством о способах оказания помощи на строго деловой почве, и соглашение между ними и Советским правительством состоялось в полной мере. Они не ждали, пока будет произведена громадная и сложная работа расследования. Точно так же и эстонское правительство, германский Красный Крест, Норвегия уже приступили к практической помощи России. Даже турецкое правительство, несмотря на свое тяжелое положение в момент иностранного вторжения, предоставило в распоряжение Советской России весь хлеб богатой Самсунской провинции".

В последующей ноте, опубликованной 15 сентября 1921 г., наш Народный Комиссариат иностранных дел сообщает на основании полученных им точных сведений о дипломатических шагах, предпринятых в течение последних недель французским правительством *с целью вовлечь Румынию и Польшу в войну с Россией.*

В ноте 3 сентября, врученной французским посланником в Варшаве польскому правительству, высказывается мысль, что в настоящий момент, при наличии голода и сосредоточения энергии Советского правительства на борьбе с голодом, представляется удобный случай для Польши и Румынии предъявить России свои максимальные требования в ультимативной форме, угрожая в случае неисполнения ультиматума военными действиями. Одновременно французское правительство тоже предъявило бы Советской России свои ультимативные требования. В своей ноте французское правительство требует на основании военного договора, заключенного с Польшей, чтобы польское правительство немедленно приостановило демобилизацию польской армии, чтобы верховное руководство польским генеральным штабом не-

медленно перешло к французскому генеральному штабу и чтобы верховное руководство польским военным интендантством было поручено французской военной миссии в Польше. Ультиматумы со стороны Франции, Польши и Румынии должны были быть предъявлены немедленно по приведении польской и румынской армии в боевую готовность. В ноте далее говорится, что положение Польши рассматривается в Париже, как безнадежное, и что спасти Польшу может только широкая помощь Франции, которая будет оказана лишь в том случае, если Польша подчинится политике Франции в русском вопросе, и когда сама Франция после урегулировании германской проблемы получит возможность радикально изменить свою политику в отношении советской России.

Аналогичная нота была послана в Румынию.

По сведениям Н. К. И. Д., нота рассматривалась польским кабинетом и хотя и встретила сочувствие со стороны высших руководителей польской политики, тем не менее изложенное в ней предложение было отвергнуто Польшей (как и Румынией), при чем Польша согласилась пустить в ход угрозы, не доводя, однако, дело до вооруженного столкновения. Одновременно польское правительство зондирует почву в Германии для выяснения, ценой каких уступок в верхнесилезском вопросе она могла бы заручиться благожелательным нейтралитетом Германии в случае польско-российской войны [1]).

Таким образом в тот самый момент, когда французское правительство облекалось в тогу благотворительности, беря на себя роль руководителя в деле организации международной помощи русскому народу, оно подготовляло войну с Россией. Чтобы облегчить успешное ведение войны с ослабевшей от голода Советской Россией, французское правительство пыталось послать в Россию своих разведчиков и шпионов под маской благотворителей. К счастью, эта дьявольская махинация французской буржуазии была во-время раскрыта наркоминделом.

Одновременно через посредство оплачиваемых французским правительством петлюровских и савинковских банд, укрывавшихся на территории Румынии и Польши, Франция организовала, следуя тактике Нуланса в 1918 г., разрушение наших железных дорог и взрывы продовольственных поездов. Так, 7 сентября 1921 г. одна из петлюровских банд пустила под откос между станциями Фастовом и Кожанкой поезд

[1]) Текст ноты Чичерина по поводу интриг Франции в Польше и Румынии см. красную книгу о Польше: „Советская Россия и Польша", стр. 49—50. (Издание Нар. К-та по ин. делам, Москва, сентябрь 1921).

в 61 вагон, везший ржаное зерно голодающим шахтерам Донского бассейна. При этой катастрофе было уничтожено все: паровоз, вагоны, все продовольствие и погибло более ста человек.

Так империалистическая Франция, этот бешеный враг рабоче-крестьянских масс России, помогала русскому народу в его борьбе с голодом, так расплачивалась она с недавним союзником, спасшим Францию от окончательного разгрома в войне с Германией.

Новый этап в развитии франко-русских отношений. Факторы и перспективы франко-русского сближения.

Генуя и Гаага.

После того как попытки взорвать советский строй в России с помощью чехо-словаков, правых эсеров [1]), Врангеля, Польши, Колчака, Деникина и т. д. кончились крахом и французскому правительству пришлось отказаться от планов вооруженной интервенции, Франция все же не отказывалась от своего стремления добиться свержения советской власти в России и восстановления нового порядка. Одним из методов для достижения этой цели французское правительство считало отказ всех держав в признании Советской власти.

Генуэзская (апрель 1922) и Гаагская (июнь 1922) конференции были сорваны благодаря политике Франции. Именно французские шейлоки были вдохновителями пресловутого меморандума от 2 мая, пред'явленного нам от имени всех держав на Генуэзской конференции.

Суть экономических требований союзников сводилась к следующему:

1. Советская Республика должна признать все финансовые обязательства ранее существовавших российских правительств, включая сюда как государственные довоенные и военные долги, так и муниципальные, общественные и другие обязательства, с уплатой всех причитающихся по ним процентов.

---

[1]) Деятельность правых эсеров, как агентов иностранной интервенции, была установлена на процессе членов этой партии в июле 1922 г. Как явствует из документов оглашенных на суде государств. обвинителем т. М. Покровским, член ЦК партии правых эсеров Веденяпин в своей переписке с заграницей просил Антанту не медлить с помощью „военной силой, деньгами и продовольствием". В своем ответе г. Веденяпину Пишон обещал эсерам от имени французского правительства всяческое содействие в деле воссоздания России. Совершенно правильно т. Чичерин в беседе с корреспондентом „Фоссише Цейтунг" отметил, что партия эсеров являлась одним из орудий цезаристской политики Франции, что шпионская и конспиративная деятельность эсеров—это лишь один из видов агрессивной международной политики французского милитаризма, стремящегося превратить Россию в свою колонию.

2. Советская Республика должна отказаться от всяких претензий на возмещение убытков, причиненных ей блокадою и интервенцией европейских государств. В случае согласия на этот отказ, державы Антанты, не требуя немедленной уплаты по военным долгам, предложат в дальнейшем своим парламентам сократить сумму военных долгов России в соответствии с ее финансовым и экономическим положением.

3. Советская Республика должна вернуть иностранным подданным все конфискованное у них во время революции имущество (фабрики, заводы, торговые предприятия и т. д.) или же, в случае невозможности такого возврата, компенсировать их за причиненные убытки различными иными способами (уплатой денег, предоставлением концессии и т. п.). В случае разногласия между советским правительством и бывшими собственниками, спор решается особым трибуналом, в котором на 4-х иностранцев, т.-е. представителей капиталистической буржуазии, приходится один русский. Советскому правительству воспрещается передавать имущество, принадлежавшее ранее иностранным подданным, в руки третьих лиц.

Политику Франции в этот период т. Чичерин об'ясняет так:

„Во Франции новый развивающийся после войны активный капитал еще не настолько успел добиться влияния, чтобы в таком же смысле направлять политику своей страны. Во Франции интерес к прошлому преобладал над интересом к настоящему. Забота о старых долгах была сильнее, чем забота о новой прибыли. Франция того времени напоминала мольеровского Сганареля, который после грандиозной катастрофы, когда Дон-Жуан исчез в преисподней, повторял только одно: „мои деньги, мои деньги“ (Международное положение С. С. С. Р. к 6 летней годовщине Октябрьской революции. Экономическая жизнь 7 ноября 1923).

На требования союзников российская делегация ответила меморандумом от 11 мая, суть которого сводилась к следующему[1]).

1. Советская республика согласна отказаться от своих претензий к державам Антанты за убытки, причиненные блокадой и интервенцией, но лишь в том случае, если державы Антанты полностью откажутся от всех военных долгов.

2. Советская республика, не признавая в принципе своей ответственности за обязательства царского правительства, в интересах целесообразности готова согласиться на уплату

[1]) См. И. Майский. Внешняя политика РСФСР 1817—1922 (изд. „Красная Новь“) см. стр. 120—125, см. также Международная политика РСФСР в 1922 г. Издание Н. К. по ин. делам. Москва, 1923.

довоенных долгов, но только при условии, что, во-первых, ей будет предоставлен мораториум (отсрочка по платежам) на 30 лет, и что, во-вторых, советскому правительству державами Антанты будут даны кредиты, необходимые для восстановления народного хозяйства России. При этом делегация подчеркивала, что кредиты должны быть даны именно правительству, а не иностранным промышленникам и купцам, которые захотят вести экономические сношения с Россией (представители Антанты финансовую помощь по восстановлению России понимали именно в этом последнем смысле).

3. Советская республика, категорически отказываясь от восстановления национализированной собственности иностранцев в натуре, тем более, что такое требование противоречит пункту Каннской резолюции, соглашается однако известным образом компенсировать пострадавших от революции иностранных владельцев. Она готова предоставить последним „преимущественное право во всех тех случаях, когда речь идет о предоставлении концессий бывшим собственникам на эксплоатацию принадлежавшего им раньше имущества, будь это в форме аренды или в форме смешанного общества, организованного государством и иностранным капиталом, или, наконец, в любой другой форме, предусматривающей участие иностранцев".

Вместе с тем Советская Республика решительно отклоняет какое бы то ни было вмешательство со стороны в право распоряжения принадлежащей ей собственностью, равно как и не допускает разрешения споров между ней и иностранными владельцами через предлагаемые союзниками смешанные трибуналы.

На Гаагской конференции, как и на предшествующей, Франция вела непримиримую политику.

Франция и на этот раз, как и перед Генуей, стремилась всеми возможными способами сорвать Гаагскую конференцию. В этих видах Пуанкаре 4 июня разослал всем союзным правительствам длинный меморандум на 18-ти страницах, краткий смысл которого сводился к тому, что Гаагская конференция не должна касаться никаких политических вопросов, а ограничиться лишь вопросами о долгах, о частной собственности и кредитах, что все решения ее должны носить лишь совещательный характер, и что все капиталистические державы должны выступать на ней единым фронтом на основании специально заключенного между ними соглашения. Далее указывалось, что Россия должна отказаться от своего меморандума 11 мая и признать восстановление частной собственности иностранцев в натуре. Никаких кредитов Советскому правительству не должно быть открыто, кредит может

быть оказываем только частным лицам и организациям, желающим участвовать в возрождении народного хозяйства России. Такова была линия Франции.

После того как Советская Россия отказалась капитулировать перед требованиями французских ростовщиков, а заставить Россию с помощью военной интервенции отказаться от завоеваний Октябрьской революции не представлялось возможным, Франция решила добиться своих целей „не мытьем, так катаньем“.

Как доказывает архи-реакционный французский писатель Люсьен Жувен, автор вышедшей в Нанте книги „Республика Советов:

„Для свержения большевизма не требуется даже военной интервенции. Не нужно только оффициального признания советской власти, не нужно давать им денег, одним словом не следует оказывать им моральной и материальной поддержки“.

Автор считает Францию единственной страной, способной противостоять большевизму. Франция—говорит он—это ключ крепости, которая защищает весь мир против осады разрушителей и потому Франция должна итти во главе движения против Советской России.

Однако, надо заметить, что в последнее время подобные призывы находят все более и более слабый отклик в правящих кругах французской республики и в общественном мнении французской буржуазии по отношению к Советской Республике намечается перелом.

Важным симптомом, свидетельствовавшем об изменении в отношении широких буржуазных кругов Франции к Советской России был приезд в Россию вождя радикало-социалистической партии, мэра города Лиона и члена французского парламента Эррио.

Прибыв в Москву, Эррио заявил, что его поездка не носит характера правительственной миссии, но он является представителем широких общественных кругов Франции, группирующихся вокруг радикальной партии, председателем центрального комитета которой он состоит.

Партия эта ставит своей задачей сделать все возможное к сближению с Советской Россией и именно эту задачу и преследует его поездка. Что касается других общественных кругов и, в частности, имеющего большинство в палате национального блока, Эррио заметил, что национальный блок в настоящее время разлагается и что даже в его среде имеется значительное крыло, благоприятно настроенное к возобновлению сношений с Россией.

В беседе с сотрудником „Известий“ Эррио указал на важность русского рынка для Франции.

„Французская промышленность после войны получила такое значительное развитие, что вывоз ее продукции возможен в самом широком виде. Я полагаю, что для России Франция могла бы дать сельскохозяйственные машины, орудия, одежду, удобрения. Все это мы имеем в виду ввозить для непосредственного распределения среди крестьянского населения через кооперативы с целью скорейшего поднятия сельского хозяйства в России, что необходимо для его восстановления".

Эти заявления Эррио были опубликованы также во французской прессе и вызвали такую сенсацию, что многие газеты заговорили о возможности де русско-французского союза, конечно, значительно отличающегося от прежнего союза эпохи царизма. Как сообщала английская газета „Трибюн" о настроении во Франции по отношению к России: „Русско-французское сближение стоит на очереди. Каждая из обеих стран хочет оппортунистически поддержать другую в турецко-дарданелльском вопросе, в котором они враждебны английской политике. Эррио заявил корреспонденту „Трибюн": „Когда я вернусь в Париж, я приложу все свои усилия к сближению между Францией и Россией. Начало этому сближению может быть положено экономическим договором, за которым неминуемо последует признание советского правительства. Я полагаю, что необходим также интеллектуальный и моральный союз между обеими странами". На вопрос, разделяет ли партия французских радикал-социалистов страх Пуанкаре перед войной реванша со стороны Германии и хочет ли она потому быть вместе с Россией против Германии, Эррио ответил: „В настоящее время Германия в меньшей степени республика, чем Россия. В ней очень мало демократов. Германская демократия поверхностна. В Германии изменилась только форма правления, преобладают же в ней все-таки монархисты. Когда Франция поймет, что новая экономическая политика России означает признание довоенных долгов и готовность вести с ней торговые дела, то она сочувственно отнесется к мысли о союзе с Советской Россией". Очень любопытные выдержки из французской прессы приводит т. Стеклов в своих интересных статьях о франко-русских отношениях (Известия, 6, 7, 8 Декабря 1923): „Политический редактор „Тан" Жан Эрбетт, за последнее время не перестает подчеркивать политическую важность вопроса об отношениях между Россией и Францией. 10 ноября в статье, посвященной баварскому путчу и возможной победе германских реакционеров, он писал: „Не следует ли подумать об отношениях, существующих между Германией и Россией, и тех отношениях, которые должны были бы существовать между Россией

и Францией?". А 21 ноября, предусматривая возможность ухода Англии с европейского континента, Эрбетт писал: „Тогда в той самой мере, в какой Англия (за которой, пожалуй, последует Италия) перестанет интересоваться миром на континенте *необходимо будет, чтобы континентальные нации об'единились с целью недопущения монархической реставрации в Германии и новой войны в Европе.* Это еще теснее сблизит Францию с Бельгией. Польшей и с Малой Антантой. Может-быть, (нет худа без добра) это послужит поводом *к некоторым переговорам между французами и русскими.* Правда, современная Россия не является демократией по западному образцу, но она, как и Франция, заинтересована в том, чтобы не допустить военного самодержавия в Германии. Не нужно контр-революции!".

Комментируя эти цитаты т. Стеклов заключает:

Страх перед возможностью союза России с буржуазной Германией есть один из факторов заставляющих задуматься французских политических деятелей. Не меньшую роль играет их опасение быть опереженными сближением России с Англией. Тот же Эрбетт в статье от 21 ноября, по поводу высказанного лордом Бруменходом сожаления о неудаче Генуэзской конференции, выражал опасения по поводу возможности близкого соглашения между Россией и Англией и при этом ставил на вид французскому правительству его бездеятельность в деле соглашения с Россией.

Крайне интересны приводимые т. Стекловым цитаты из французских газет по вопросу о русских долгах:

Так, 22 ноября редактор газеты „Пти Блэ", Альфред Ульман, один из официозных истолкователей Пуанкаре и один из его вернейших политических сторонников писал: „По правде сказать, *один только вопрос* отделяет нас от восстановления сношений. И если русские действительно желают прекратить изолированность, в которой они находятся, то средства к этому в их руках. Им нужно только (!) перестать отрицать старые долги. От них не требуют их уплаты. Да они и не могли бы это сделать. От них требуют просто (!) их признания. А раз это признание будет сделано, то можно будет вместе с ними обсудить вопрос, на какой возможный и справедливый способ их уплаты мы согласимся. В тот день, когда советское правительство это сделает, в тот день, когда владельцы русских фондов получат удовлетворение или надежду на это удовлетворение, тогда не только исчезнут все препятствия к полному восстановлению сношений, но, напротив, все будет толкать к этому. Ибо, взвешивая положение вещей, внимательно вдумываясь во все „про" и „контра", решительно нельзя усмотреть ничего, что мы могли бы при этом потерять, но зато сразу видно то, что мы можем от этого выиграть".

Все подобные статьи являются, конечно, симптомом того, что в настроении французской буржуазии намечается какой то перелом. С другой стороны, французская пресса муссировала порой слух о возможности сближения с Россией с той целью, чтобы заставить Англию сделать уступки Франции в целом ряде спорных вопросов (Рур, Малая Азия и т. д.). Особенно симптоматичной в этом отношении явилась нашумевшая статья в „Тан“, под характерным заголовком: „Возвращение России“.

Статья содержала указание на возможность поддержки России Францией в вопросе о проливах. Газета говорит о вступлении России в дипломатические отношения с остальной Европой, как о совершившемся факте. В будущем, указывала газета, *европейская политика, игнорирующая Россию, невозможна*. Касаясь поездки Эррио, „Тан“ пишет: „Генуя, Гаага, Рапалло внушали нам тревогу, но прием, оказанный Эррио в России и крупные политические перемены, связанные с турецкими победами, не внушают нам никаких тревог. Из комментариев германской прессы мы можем усмотреть, где лежат действительные интересы Франции“.

Газета отметила ту поддержку, которую оказывала Германия договору Эркарта, разочарование Германии, вызванное натянутыми англо-русскими отношениями и немецкие опасения перед возможностью сближения между Россией и Францией. „Неудивительно—пишет газета,—что всем этим озабочены германские националисты, втайне лелеющие идею реванша в стиле 1813 года, но совершенно неожиданным является злобствование демократической печати и даже „Форвертс“. Германское правительство, повидимому, лишь делает вид, что работает в России на пользу Англии, на самом же деле оно преследует исключительно эгоистические цели. Во всяком случае позиция Москвы подтверждает, что шансы на возможность русско-французского соглашения растут, поскольку Московское правительство становится на путь защиты национальных интересов России. В то же время, всякого рода политические „комбинации“ (т. е. англо-германский блок против России), представляющие опасность для русского народа, являются одновременно угрозой и для Франции“. Статья заканчивалась вопросом, обращенным к Советскому Правительству: „Англия поддерживает предложение о принятии Германии в Лигу Наций. Но отвечает ли русским интересам, чтобы Германия вступила в Лигу Наций прежде России, или чтобы вопрос о проливах был урегулирован без санкции Москвы“. „Французы прекрасно знают, заключает газета, как они ответили бы на эти вопросы, будь они на месте России“.

Парижские корреспонденты английской прессы единогласно утверждали, что эта статья „Тан“ определенно указывает на

предстоящее де русско-французское сближение, которое, по их мнению, первоначально выльется в форму торгового договора. Корреспонденты предостерегали английское министерство иностранных дел, что его пассивность по отношению к русской политике Франции приведет Англию к полной изоляции. По мнению парижского корреспондента „Берлинер Тагеблатт“, эволюция французского официоза является новым доказательством сознательного стремления Франции изолировать Россию от Германии и Англии.

Поездка Эррио имела и другие последствия, помимо сенсационных газетных статей о близости франко-русского союза. В связи с этой поездкой Марсельская Торговая Палата по инициативе ее председателя Гюбера Жиро, весьма конкретно поставила вопрос о торговых отношениях с Россией. Находя с одной стороны что французские промышленники и торговцы нуждаются прежде всего в правильной, а главное постоянной информации из России, Гюбер Жиро полагал, с другой, что французское правительство не может послать с этой целью в Россию своего представителя, не изменив радикально своей основной линии поведения по отношению к России. Выходом из положения представлялось ему активное выступление торговых палат. Французские торговые палаты должны были, по его мысли, послать в Россию своего собственного представителя, который, не будучи лицом официальным, но и не являясь совершенно частным, мог бы временно занимать официозное положение и организовать ответственное бюро, информировать в достаточной мере компетентные торговые палаты о хозяйственной жизни России.

Предложение Жиро в Марсельской торговой палате было встречено очень сочувственно. Резолюция о том, чтобы такой представитель торговых палат был выбран на ближайшей же конференции президентов Торговых Палат в Париже была принята единогласно.

В полном согласии с полученными директивами, Гюбер Жиро от имени Марсельской Торговой Палаты внес соответствующее предложение на конференции 21 ноября 1922 г. Но предложение не прошло, вследствие чрезвычайно энергичного выступления председателя Сэн-Кентенской торговой палаты, сенатора Турона.

Выступление Турона было внешним поводом провала предложения Жиро на конференции. Действительную причину этого надо искать в том, что торговые палаты относились к предложению с различных точек зрения. Те из них, которые расположены в департаментах, работающих исключительно или по преимуществу на вывоз, отнеслись к предложению сочувственно. Наоборот, те, которые представляют

местности в своем производстве, связанные исключительно с местным французским рынком, предпочли воздержаться от шага, который мог бы связать правительство. Противники предложения Жиро указывали, что не следует связывать правительство и мешать его свободе действий в вопросе о возобновлении сношений с Советской Россией.

Дебаты, развернувшиеся на Парижской конференции президентов всех торговых палат Франции обнаружили, что *торговые палаты всех крупных промышленных и торговых городов Франции: Лиона, Марсели, Гавра, Диеппа и т. д. стоят за возобновление сношений с Россией.* Вместе с тем эти дебаты в связи с горячей агитацией, которую повел по возвращении из России Эррио, произвели большой сдвиг в настроении французского общества, как финансовых, промышленных, так и правительственных его кругов. Как заявил впоследствии (в июне 1923 г.) Леон Гед, член французской торговой делегации, прибывшей в Москву „*За признание Советской России стоят крупнейшие финансисты и промышленники Франции, ряд банков и другие крупные организации.* Они принимают все меры к тому, чтобы официальное признание Советской России стало фактом самого недалекого будущего". Г. Дюверже, глава этой делегации, прибывшей в Россию в момент острого англо-русского конфликта, грозившего разрывом между обеими странами в связи с ультиматумом Керзона, в беседе с сотрудником „Известий" объяснил необходимость франко-русского сближения и привлечения Советской России к участию в мировом хозяйстве всеобщим экономическим кризисом, который не может быть преодолен без помощи России.

„Во Франции твердо установился взгляд",—заявил гр. Дюверже,—„что существующий во всех странах мира *экономический кризис, создающий неимоверные экономические затруднения, не может быть превзойден до тех пор, пока в хозяйственный мировой оборот не войдут неисчерпаемые естественные богатства России.* Вся Европа питает надежду найти экономическое равновесие в тот момент, когда Россия станет участником в развитии мирового хозяйства. Этот момент давно назрел. В настоящее время Франция нашла необходимым послать в Россию делегацию, имеющую самые широкие полномочия для установления торгово-промышленных сношений. Надо сказать, что еще до отъезда делегации торгово-промышленные круги и очень влиятельные политические группы относились очень внимательно к вопросу об установлении этих сношений. За время нашего пребывания здесь мы успели убедиться, что Россия, без всякого сомнения, находится на пути своего хозяйственного возрождения, что, естественно, увеличивает нашу надежду на успех нашей миссии. Мы успели

войти в контакт с представителями власти в России и руководителями ее хозяйственных органов. Слово теперь за ними".

Целый ряд фактов, как-то пребывание торговой миссии Скобелева в Париже, приезд во Францию, по приглашению Лионского ярмарочного комитета, т. Малышева и необычайно радушный прием, оказанный последнему, официальное участие Советской России на Лионской ярмарке, приезд в августе 1923 г. в Россию крайне влиятельного в буржуазных кругах Франции сенатора де Монзи, посетившего Нижний-Новгород и Серпухов, нашумевшая речь де Монзи в сенате, по возвращении из России, о необходимости восстановления нормальных сношений с Советской Россией, участие, хотя и скромное, французской промышленности на Всероссийской сельско-хозяйственной выставке 1923 г.—все это свидетельствовало о прогрессирующем, начиная с 1922 г., неофициальном сближении между Францией и Советской Россией.

В целом ряде французских газет, в „Эгалите", „Котидиен", „Эксельсиор" и „Попюлер" были опубликованы интервью с де-Монзи о его поездке в Россию. Де Монзи указал на экономическое возрождение России, являющееся следствием новой экономической политики, и высказал свое восхищение вождями русской революции: Лениным, Троцким, Чичериным и Радеком. По заявлению де Монзи, ему был открыт свободный доступ во все советские учреждения, от которых он вынес прекрасное впечатление. Корреспонденту „Попюлер" де Монзи заявил, что до января Франции необходимо возобновить сношения с Советским правительством. Наконец, сотруднику „Эксельсиор" де Монзи подчеркнул, что, хотя он далек от большевизма, он искренно стоит на руссофильской точке зрения. „За этот год,—заявил де Монзи,—Россия сделала огромный шаг на пути экономического возрождения". Де Монзи более, чем когда-либо, убежден, что политика непризнания противоречит интересам Франции.

Наконец, едва ли не самым характерным эпизодом в истории франко-русских отношений в 1922—1923 г. был обмен телеграммами Наркоминдела с Пуанкарэ по вопросу о репатриации русских пленных из Франции. Именно в тот момент, когда лорд Керзон метал гром и молнии по отношению к Советской России, предъявив нам пресловутый ультиматум, и вся европейская пресса обсуждала вопрос о перспективах войны между Советской Россией и Англией, Пуанкарэ пригласил делегацию Российского Красного Креста прибыть в Марсель. Эта телеграмма Пуанкарэ была интерпретирована европейской прессой, как демонстрация против Англии, как показатель намечающегося сближения между Советской Россией и Францией.

Приводим текст обеих телеграмм.

От Народного Комиссариата Иностранных Дел.

„Вопрос о возвращении бывших русских солдат из Франции, служивший предметом обмена нот и телеграмм между Народным Комиссариатом Иностранных Дел и французским министром иностранных дел в течение продолжительного времени, разрешен, наконец, в положительном смысле. Одним из условий успешности репатриации солдат, Н. К. И. Д. считал допущение во Францию русской комиссии помощи или делегации Российского Красного Креста и все время настаивал на принятии этого условия правительством Франции. Телеграммой от 15-го сентября на имя Н. К. И. Д. Пуанкарэ, не затрагивая вопроса о допущении русской делегации во Францию, указал русскому правительству на то, что кредиты, вотированные французским парламентом на дело репатриации русских солдат, должны быть использованы до истечения 1922 г. В ответ на это, Н. К. И. Д. послана была следующая телеграмма на имя Пуанкарэ:

„Российское правительство благодарит правительство Франции за выраженное им в телеграмме № 2/03455 от 15 сентября желание возможно скорее довести дело репатриации до благополучного конца и считает нужным заявить о своей готовности принять репатриируемых солдат через порты Черного моря, если, конечно, события на Ближнем Востоке не помешают свободному проходу судов к месту их назначения. Русское правительство было бы признательно правительству Франции, если бы последнее высказалось по поводу выставленного в телеграмме Н. К. И. Д. от 12 февраля условия, касающегося допущения во Францию комиссии помощи или делегации Российского Красного Креста для оказания содействия репатриации.

Карахан".

Ответ Пуанкарэ.

12-го октября от Пуанкарэ получена следующая телеграмма:

„Народному Комиссару Иностранных Дел, Москва. Вследствие вашей телеграммы от 6 октября, французское правительство принимает меры к незамедлительной репатриации через Одессу бывших русских солдат, находящихся во Франции. В виду того, что во Франции нет русских пленных, допущение комиссии помощи пленным явилось бы бесцельным. Чтобы избегнуть, однако, посылки в Одессу лиц, которых Советские власти не склонны были бы принять, французское правительство выражает свое согласие на допущение в Марсель делегации Российского Красного Креста при условии предварительного представления списка членов делегации и приемлемости их.

Пуанкарэ".

Французское правительство оказало самый радушный прием миссии Красного Креста, прием, который был особенно показателен, после всех тех проволочек и задержек, которые в марте 1922 г. привели к расформированию миссии Мануильского. Вся Марсельская пресса напечатала длинные статьи в дружеском тоне о миссии. Благодаря содействию центрального французского правительства и местных властей миссия Устинова легко справилась с возложенной на нее задачей и 19 июня отправился уже первый транспорт с тысячью репатриантов, которые прибыли в Новороссийск 28 июня.

Чтобы понять перипетии борьбы, которая идет в буржуазных кругах Франции по вопросу о признании Советской России, следует принять во внимание, что в данном вопросе, как и в целом ряде других, мы имеем дело с конфликтом интересов двух групп банков и двух отраслей промышленности. В то время, как французская *тяжелая* промышленность,—которой через посредство подчиненных ей банков принадлежало почти полное господство в двух важнейших отраслях русской промышленности, в каменно-угольной и металлургической (61% всей выплавки чугуна в России, 51% всей добычи каменного угля в Донецком бассейне) и в русском военном судостроении[1]), стремилась к обратному экономическому отвоеванию нашего Донецкого бассейна, и всего юга России и отказывалась признать Советское правительство иначе, как на условиях полной капитуляции Советской власти путем признания всех прежних прав французских промышленников и банков в России, *легкая промышленность Франции держалась более примирительной точки зрения.* На это обстоятельство намекал, очевидно, лидер левого крыла французской буржуазии, Эррио, в своей беседе с сотрудником „Правды", когда он сказал: „Среди французских капиталистов имеется не мало людей с широким политическим горизонтом, которые, как депутат Далассаль, напр., требуют возобновления сношений с Советской Россией. Вам, вероятно, известно, что я мэр г. Лиона. *А. Лион—это французский Манчестер;* он отражает интересы Франции, вернее Парижа".

С этой стороны, крайне любопытно, что и сенатор де-Монзи, во время своей поездки по России, посетил не Донецкий бассейн или Урал, которыми так интересуются французская и английская тяжелая промышленность и связанные с этой индустрией банки, а Серпухов, где находятся прядильные, ткацкие, красильные, отделочные и ситце-набивные фабрики нашего текстильного треста. Де-Монзи осмотрел целый ряд фабрик в Серпухове и интересовался вопросом о связи наших

---

[1]) Подробнее см. нашу работу „Империализм" стр. 78—80.

текстильных фабрик с французскими, о материалах, которые наша текстильная промышленность получает от Франции.

На ряду с французскими текстильщиками вопрос о восстановлении экономических сношений с Россией заинтересовал и французские пароходные компании. Так, приехавшему в Москву в августе 1923 г. на всесоюзную выставку представителю „Франко-Российского Центрального об‘единения“,— учрежденного в Париже в 1921 г. группой сторонников экономического сближения между Францией и Россией—г-ну Мюллеру было поручено войти в переговоры о немедленном создании смешанного франко-российского пароходного общества для установления регулярных сообщений между французскими приморскими городами и русскими портами Балтийского и Черного морей. Приехавший одновременно в Москву представитель французского консорциума „Руссимекс“ (Российский импортно-экспортный консорциум), г. Мартэн в своей беседе с представителями нашей прессы, с своей стороны, пролил свет на те группы французской буржуазии, которые заинтересованы в восстановлении экономических сношений с Россией. Как заявил г-н Мартэн, „Руссимэкс“ об‘единяет исключительно производственные фирмы и целью его является войти в непосредственный контакт с российскими предприятиями.

„Предполагается производить расплату за вывозимые из России товары частью золотом, частью товарами. „Руссимэкс“ может закупить в России самые разнообразные продукты: лен, шерсть, кожу, кишки, хлеб, пушнину, сало, парафин, деготь, вар, русский скипидар, поташ, кость, перо, жмыхи, кормовые семена, тряпье и т. д. „Руссимэкс“ может также закупить в неограниченном количестве медицинские травы. В свою очередь, „Руссимэкс“ предлагает России всевозможные „химические и аптекарские продукты и пр.“.

Итак, в области французской промышленности мы констатируем в вопросе об отношении к России деление по линии тяжелой и легкой индустрии. Легкая промышленность, являющаяся во всем капиталистическом мире вдохновителем так называемого буржуазного пацифизма и либеральной внутренней политики, выступает и во Франции, как противник непримиримой политики по отношению к Советской России, и обнаруживает готовность при известных уступках со стороны Советской власти в вопросе о признании долгов, концессиях и т. д., итти на соглашение с Советской Россией вплоть до признания последней.

Что касается банков, то и здесь имеется на лицо два течения. Старые реакционные банки—в роде *Лионского Кредита* (Credit Lyonnas), единственного французского банка, дей-

ствовавшего в эпоху царизма в России и имевшего здесь многочисленные отделения, банка *Контуар д'Ескон* и т. д.— обладающие в своих портфелях и сейфах громадным количеством облигаций старых русских займов, решительно стоят против всяких сношений с Советской Россией, пока последняя не признает безоговорочно все царские долги и не восстановит целиком всех прежних прав французских владельцев в России, ибо, само собой разумеется, что все эти старые банки были связаны своими интересами с французскими заводами и копями в Донецком бассейне, подмосковном районе, Урале, с крупнейшими нашими военными и судостроительными заводами, как то: Путиловским, Николаевскими судостроительными заводами и верфями, Русско-балтийским и т. д.

Группа старых реакционных банков в вопросе о признании Советской России, как и в целом ряде других вопросов внешней политики, действует в полном контакте с тяжелой промышленностью, которая имеет своею главою представителя во Франции, в лице самого президента республики Мильерана, неоднократно выступающего от имени пресловутого Comité de forge. Эта группа железо-угольных королей и финансовых баронов Франции, руководимая Мильераном, находит даже политику Пуанкаре (Пуанкаре ла герр—Пуанкаре война) слишком мягкой и черезчур либеральной. Легкая индустрия и торговые палаты Марселя, Гавра, Лиона, Диеппа, Парижа в своей политике буржуазного пацифизма и экономического сближения с Советской Россией встречают поддержку со стороны, так сказать молодых активных, прогрессивных банков в лице „Национального Кредита“ (Credit National), Банк де-Пари э де Пэи Ба (Banque de Paris et de Pays-Bas), Юнион Паризиен, Франко-Аргентинского банка (Franco- Argentiu), Sourmais и т. д., одним словом, финансовых учреждений, которые в своих сейфах имеют очень мало русских ценностей, которые не были связаны до сих пор с французскими промышленными предприятиями в России и которые, в поиске новых районов для приложения своих капиталов, надеются найти в Советской России с ее безграничными рессурсами новую сферу деятельности.

К этой группе финансистов и промышленников, являющихся поборниками франко-русского сближения, присоединяются и некоторые империалисты, „англо-фобской“ ориентации, считающие, что в интересах восстановления нарушенного равновесия в восточной части Средиземного моря и устранения навсегда опасности захвата проливов Англией было нецелесообразно с точки зрения французских интересов содействовать ослаблению Россин. С точки зрения этой группы французских пмпериалистов, как формулировал „Тан“, „Борьба

за проливы освобожденная от своего дипломатического прикрытия, есть борьба русских и турок против могущества британского флота". Проливы будут в распоряжении той державы, которая будет господствовать на море, т.-е. Англии". Следовательно, усиление влияния России в проливах, рост военно-морской мощи России на Черном море отнюдь не противоречит интересам Франции, поскольку усиление России в соответствующей степени ослабляет гегемонию Англии в проливах и на Средиземном море. Говоря о политике Советской России в вопросе о проливах перед и во время Лозаннской конференции [1]), "Тан" в передовой от 13 октября писало: „Французская политика никогда не была направлена против славян. Если Франция в прошлом и занимала позицию против московского правительства, то потому, что оно не защищало национальных славянских интересов и являлось организационным центром международиой революции. *Поскольку же русское правительство приобретает ныне характер национального правительства, Россия получает возможность разговаривать с Францией*".

С точки зрения этой группы французских националистов, политика русских эмигрантов н, в частности, пресловутого Национального Комитета, представитель которого, М. М. Федоров, вручил делегациям на Лозаннской конференции меморандум, в котором доказывалось, что никакой опасности для России от того, что проливы будут открыты для английских военных судов, нет, а есть опасность только для большевиков, и что победа советской точки зрения в вопросе о проливах усилит престиж большевиков, что опаснее для России и человечества, чем проблематическая возможность появления английских броненосцев перед Одессой,—является политикой анти-национальной, изменнической. Даже сам Милюков вынужден был признать наличность такого отношения многих „французскнх патриотов" к политике русских эмигрантов и к упомянутому меморандуму Национального Комитета. В „Последних Новостях" от 22 дек. 1922 г. Милюков цитирует следующий отрывок из письма от одного своего знакомого из Лозанны по поводу меморандума Федорова:

„Один из французов с глубоким негодованием говорил об этой точке зрения, а когда кто-то из англичан пытался сослаться на этот документ, как на мнение национальной части русской эмиграции, то француз (мой корреспондент называет его имя, но я не уполномочен огласить его, П. М.), ответил: „nommer ce document point de vue national russe—c'est denigrer

---

[1]) О Лозаннской конференции подробнее см. Мих. Павлович „Борьба за Азию и Африку, стр. 66—109.

le terme national". (Называть этот документ национальной точкой зрения, значит очернить понятие „национального").

Однако, иа факта возмущения некоторых французских националистов предательским поведением русских эмигрантов, которые не только мирятся с японцами в Сибири и англичанами на Черном море, но даже умоляют их придти туда и там остаться, не следует сделать вывод, будто какая бы то ни было группа французских националистов будет в серьез отстаивать идею признания Советской России. Само собой разумеется, что за те или другие существенные уступки в Рурском вопросе и в вопросе о расчленении Германии французские националисты согласились бы отдать Англии и проливы и господство на Черном море.

Поскольку речь идет о французских буржуазных партиях существенных изменений в русско-французских отношениях можно ждать не раньше конца теперешней законодательной сессии парламента [1]), т.-е. до будущих общих выборов в мае 1924 г., когда у власти может стать партия радикал-социалистов, руководимая Эррио и другими сторонниками сближения с Советской Россией. Эта партия, как констатировал член торговой делегации, прибывшей во главе с Дюверже в Россию, Леон Гед, *подготовляет к выборам платформу за признание Советской России и возобновление торговых сношений.*

От силы французской коммунистической партии и роста революционного движения во Франции будет зависеть изменение в благоприятную сторону позиции французского правительства в русском вопросе до наступления момента этих выборов.

---

[1]) См. об этом беседу с членом Исполкома Коминтерна т. Сувариным в „Известиях" 29/VI—23 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

